Муж мой – враг мой

Автор:
Яна Ясная

Муж мой – враг мой

Яна Ясная

«Интересно, как долго можно незамеченной просидеть на верхней галерее библиотеки? Если тебя не ищут, наверное, целую вечность, потому что кроме меня в этой самой библиотеке, по-моему, никого и не бывает, а значит, замечать некому.

А если ищут?..

– Нисайем!!!

О! Не так долго, как хотелось бы. Но, может, он еще мимо пройдет? Серьезно, зачем ему искать меня в библиотеке? Разве ж мне тут место? Уважаемую тэю[1] стоит искать совсем не там. А в оранжерее, например, или в ее комнатах в компании других, не менее уважаемых тэй. Или за рукоделием, музицированием… мало ли на свете занятий для уважаемых!..»

Яна Ясная

Муж мой – враг мой

Пролог

Интересно, как долго можно незамеченной просидеть на верхней галерее библиотеки? Если тебя не ищут, наверное, целую вечность, потому что кроме меня в этой самой библиотеке, по-моему, никого и не бывает, а значит, замечать некому.

А если ищут?..

– Нисайем!!!

О! Не так долго, как хотелось бы. Но, может, он еще мимо пройдет? Серьезно, зачем ему искать меня в библиотеке? Разве ж мне тут место? Уважаемую тэю[1 - Обращение к замужней женщине дворянского происхождения.] стоит искать совсем не там. А в оранжерее, например, или в ее комнатах в компании других, не менее уважаемых тэй. Или за рукоделием, музицированием… мало ли на свете занятий для уважаемых!

Но уж точно не в библиотеке.

– НИСАЙЕМ!

Что ж так надрываться-то? Сейчас, не дай боги, связки повредит, как командовать парадом будет? Осипший герцог – зрелище печальное и не вдохновляющее, а вдохновение в военных делах элемент совсем не лишний!..

– НИСА!!!

Дверь в библиотеку распахнулась с грохотом, и я против воли втянула голову в плечи, но тут же опомнилась, выпрямила спину – грациозный наклон головы, тонкие пальцы между страниц книги, опущенные ресницы и даже до отвращения правильные складки на юбке говорят о том, что перед вами крайне благочестивая тэя одного из древнейших дворянских родов Карлиона.

Тяжелые шаги по паркету – обратный отсчет. И герцог замер у подножия ведущей в галерею лестницы.

Под прикрытием ресниц я покосилась вниз.

Стоит. Смотрит. Карие глаза полыхают, темно-шоколадные волосы в беспорядке, губы сжаты в тонкую линию, скулы напряжены. Осторожно, ваша светлость, не скрошите зубы ненароком! У вас такая красивая улыбка! Жалко портить!

– Немедленно спускайся.

Хриплый приказ. Никак и правда голос сорвал?

– Зачем? – спокойно поинтересовалась я, перелистнув страницу и изображая полное и абсолютное погружение в книгу. На самом деле строки скакали перед глазами, и я даже не была уверена, что не держу ее вверх тормашками.

– Затем, что я сказал! – рявкнул герцог так, что стеллажи содрогнулись.

Фух, отбой тревоги! Голос на месте, парад состоится – ура, ура, ура! Да здравствует Вейлерон, что б ему провалиться!

– «В разговоре с тем, кто стоит ниже, помогайте собеседнику подняться до вашего уровня, но ни в коем случае не опускайтесь до его», – с возвышенным придыханием процитировала я. – «Записки тэйра[2 - Обращение к мужчине дворянского происхождения.] Лорвена. Том второй. Об искусстве диалога».

Алиссандр, герцог Вейлеронский, супруг мой законный перед богами и людьми, едва ли не зарычал. Я не была менталистом, но им и не нужно было быть, чтобы прочитать мысли этого мужчины в данный конкретный момент.

– Если вы меня придушите, то приданое придется вернуть! – сочла необходимым напомнить. – С компенсацией, между прочим. Подумайте о ваших людях, ваша светлость, минутное удовольствие не стоит таких жертв, я считаю.

Шпилька ушла в пустоту. На застывшем красивой маской лице не дрогнул ни мускул, и вообще создалось обидное впечатление, что благородный тэйр вспомнил, кто он такой и решил взять себя в руки. Но так нельзя! Я же так старалась! Это он сейчас успокоится, и мои бедные нервы были растрачены впустую?

– Значит так, многоуважаемая тэя Нисайем, – подтверждая мое разочарование, герцог заговорил медленно, четко и ровно, – в этом замке хозяин – я. А значит, только я принимаю решения о том, кто может здесь остаться, а кто должен уехать. Это вам понятно?

Ледяной тон был более чем намекающим. И обидным до слез. Быстро сморгнув, я растянула губы в безмятежной улыбке.

– Конечно, ваша светлость. Прошу простить мое своеволие. Конечно же, только вы решаете, кто может здесь оставаться, а кто нет. В конце концов, кто я такая? Всего лишь временная гостья.

– К чему это вы клоните, тэя Нисайем? – в вопросе послышалось напряжение и зашедшее на новый виток раздражение, пролившееся бальзамом на мою душу.

– К разводу, тэйр Алиссандр, – церемонно отозвалась я.

– И на каких же основаниях? – ядом в его голосе можно было отравить целую армию.

Я собралась с духом и выпалила выпестованную, бережно подготовленную, прекрасную в своем совершенстве гадость:

– На основании вашей мужской несостоятельности, мой тэйр, и неспособности зачать мне ребенка.

На несколько мгновений мир замер. Тишина стала плотной, осязаемой, от нее заложило уши и перехватило дыхание. А потом пол галереи подо мной вдруг растворился, и я с визгом полетела вниз…

Чтобы угодить в подставленные руки, а на ухо свистящим шепотом прозвучал приговор:

– Ну все, девчонка, ты доигралась.

Глава 1

В свет меня вывозили редко. Это шло на пользу и мне, и свету. Но бал Перелома Года – одно из двух ежегодных событий, присутствие на котором обязательно для всей высшей знати Карлиона, и потому сейчас я приседала в глубоком реверансе перед его величеством Астеем Пятым.

«Спину ровнее! Голову изящнее! Движение грациознее! Взгляд опустить!» – отдавал в моей голове приказы кто-то тоном бывалого полководца, и голос его был до странного похож на голос моей сиятельной матушки.

Сама сиятельная матушка стояла позади, пропустив дочь ради традиционного приветствия его величеству, и я всей кожей ощущала ее напряженное внимание, направленное на меня. Как же, вдруг неудачная дочь сделает что-нибудь непоправимое и навеки опозорит род герцогов Аласских.

Во время нечастого исполнения мной светских обязанностей, она контролировала меня еще плотнее чем обычно, доводя до нервного истощения себя и всё окружение.

Но что толку в контроле, если я всё равно успела улыбнуться?

Улыбка, быстрая, чтобы никто не заметил, и едва уловимая, углами губ, углами глаз – чтобы не перейти границ дозволенного, и я опустила очи долу, как предписывает девицам этикет и склонила голову пред владетелем земель сих.

Я рада видеть вас, ваше величество!

В пятнадцать лет я была официально представлена ко двору, и Астей Пятый показался мне ужасно грозным. Я честно боялась его половину вечера, пока… Пока не вспомнила одинокого гостя, в которого врезалась, улизнув из-под надзора самым недостойным тэйрим образом.

Я, четырнадцатилетняя, тогда стояла и смотрела на мужчину, которого не должно было быть в нашем замке в целом и в этом коридоре так уж точно – мы не ждали гостей, уж родные дети его сиятельства герцога были бы о них предупреждены!

Мужчина смотрелся ровесником тэйру отцу, только казался более грузным, а еще – ужасно суровым! У меня сердце замерло от ужаса и затрепетало, как щенячий хвостик.

– Куда бежим, юная тэйрим[3 - Обращение к незамужней женщине дворянского происхождения.]? – грозно вопросил чужак, придерживая меня за плечо.

Я обычно вру легко и ловко, приученная, что иначе ни глоточка свободного воздуха мне не видать, но вот уж дурацкая особенность – только когда ничего не боюсь. А со страху выдаю всю правду, как на духу.

Так уж повелось, что у меня, испуганной, правда звучит порой весьма причудливо, но в этот раз боги отвернулись от беглянки, и признание расшифровал бы даже любимый волкодав его сиятельства батюшки:

– На озеро…

Под взглядом незнакомого тэйра мне стало мучительно стыдно. Что же я за будущая тэя такая?! Истинные тэи не покидают покоев тайком от всего своего окружения, если им куда-то нужно – они открыто идут, а если место не стоит того, чтобы посетить его открыто, то и тайно туда настоящая тэя ни за что не наведается! Тэи не передвигаются бегом, не купаются ночью в озере и вообще…

Даже если они – только будущие тэи, и пока всего лишь тэйрим.

От этих мыслей голова клонилась всё ниже, и я теребила подол легкого платья, разглядывая мыски собственных домашних туфель. И волосы, уже разобранные служанками ко сну, свешивались каштановыми волнами скрывая горящее стыдом лицо.

Сверху хмыкнули:

– Ну надо же, озеро! А не боишься?

От удивления я даже забыла стыдиться и взглянула незнакомцу в лицо:

– Там безопасно, – как, и впрямь, дочери герцога Аласского могло грозить опасностью что-то под стенами замка Лунь!

– В озере, говорят, русалки водятся, – подначивающим тоном обронил мужчина, не выпуская моего плеча.

Но я не понимала, в чем подначка? И с недоумением согласилась:

– Да. Я же и говорю – безопасно!

Ему, кажется, весело, но я все же нахожу необходимым вежливо пояснить:

– Случись что, они меня выручат.

У Ан-Баир чешуя на скулах, прозелень в волосах и ловкие пальцы, иногда она разбирает мне волосы, чешет их костяным гребнем в жемчугах и перламутре, и оттого они наливаются блеском и силой, текучим шелком скользят в руках служанок, и камеристка ее сиятельства матушки одобрительно улыбается, собирая их в прическу… Ан-Баир и умыла бы меня, если бы я согласилась, но я не даюсь – зачем? Мне мужа не искать, а если не для мужа, для себя – то для себя я и без того довольно хороша. Ан-Баир часто жалуется на свою мать, а я… не жалуюсь – ведь это было бы недостойно, да и несправедливо – мне не в чем упрекнуть сиятельную мою матушку, она всё делает для моего же блага. Поэтому, я слушаю водяную деву молча. И завидую. Они часто скандалят с матушкой, как ни одна достойная тэя ни за что не стала бы. И любят друг друга, как могут только русалки.

Мысли эти пронеслись в моей голове, как дикий табун, и мне стало остро жаль, что сегодня мне озера не будет, ведь уже слышен торопливый топот ног – меня хватились, и усердно ищут, и уже вот-вот найдут, и обязательно накажут – и это же так обидно, принимать наказание, так и не вкусив того, ради чего на него шла!

Голоса всё ближе, и я уже жду, что вот-вот меня увидят и потребуют вернуться к себе, но растревоженные слуги пролетают мимо, лишь беглым взглядом удостоив наш коридор. Никто не поприветствовал знатного гостя и не позвал меня. У всех есть дела поважнее – они обсуждают, где бы я могла быть.

– Ну, беги. – Тэйр отпустил мое плечо, и теперь улыбка мне точно не померещилась.

От восторга я даже поблагодарить забыла – выскочила через неприметный ход неподалеку, и замок, старый подельник, прикрыл певучую дверь, не дав ей скрипнуть.

«А приличная тэйрим бы поблагодарила!» – въедливо выговорила я самой себе, и тут же ответила, что приличная в такую ситуацию и не попала бы!..

Я вынырнула из воспоминаний, чтобы услышать:

– Вольтур, твоя дочь выросла совершенно очаровательной, – сообщил его величество его сиятельству, благосклонно выслушав приветствия отца и братьев (всех пяти законных), и я даже прислушалась спиной, не потянет ли от герцогини одобрением? – Ты позволишь пригласить её на полонез?

Полонез – первый танец вечера, полонез открывает бал.

Открывать бал Перелома Года с его величеством?

Его величество Астей Пятый прекрасен, вдов, и тем кружит головы всем незамужним дамам королевства любого возраста. Я не исключение, но люблю его за пособничество несовершеннолетней мне, а у приличных людей – приличные причины: положение, власть, перспективы и харизма. Другие теряют разум от его таланта правителя, политика и дипломата. К тому же, несмотря на годы, он всё ещё хорош собой, и даже вполне добродетельным тэям будоражит сердце благородная седина на висках, стальной прищур и военная выправка (я знаю, я подслушивала).

– Это честь для нас, ваше величество, – учтиво склонил голову в согласии его сиятельство отец.

На том время, отведенное нашему семейству, истекло, и мы отступили от трона под благосклонными взглядами его величества, его высочества и ее высочества, а наше место знало следующее благородное семейство, прибывшее во дворец на главный зимний бал.

Отец выглядел довольным. Открывать бал – честь.

Матушка выглядела удовлетворенной: танцевать – это одна из немногих вещей, которые я, по ее мнению, умею хорошо и не запятнаю род. Если, конечно, его величество не начнет со мной разговаривать. Тут уж ее сиятельство ничего не могла гарантировать.

Дворец сиял: у ее высочества принцессы Рейнары, супруги кронпринца и на сегодняшний день первой тэи двора, прекрасный вкус, и убеждаться нам в этом доводилось не раз. Её высочество – маг, и потому она непременно лично занимается украшением приемных и бальных залов, чтобы продемонстрировать силу, магическое искусство и изысканность вкуса.

Возможно, она этого и не очень хочет.

Возможно, она нашла бы массу других, куда более интересных дел.

Но что поделать – традиция-с.

Традиции и правила правят бал в нашем королевстве.

Если твой род богат, то изволь явиться. Ежегодное празднование в наряде, стоимостью в годовой доход уездного поместья, чтобы никто не подумал, будто род этот стал беднеть и хиреть, что он ослаб. Король и дворяне – в родовых цветах. Герингемы, королевский род – в темно-красном и белом, Алассы – в черном и алом. И вокруг палитра, в которой мазками безупречно чистых цветов обозначены недруги, союзники, вассалы.

А если хозяйка приема – магиня, то должна сделать всё возможное, чтобы показать гостям, как сильны будут дети, которых она подарит роду.

Её сиятельство матушка пафосно называет это «служением во имя родовой славы и чести», а наша кухарка – «показать товар лицом».

Ритуал встречи гостей окончен, и моя ладонь оказалась в монаршей руке, и скрипки исторгли тягучий стон. Полонез повлек меня в свои текучие объятья, и под беседу, сплошь подчиненную этикету, а потому – предсказуемую, я

пыталась понять, что это значит?

Открывать бал – это не просто честь. Это политика.

Что же означает сей манифест? Что Алассы в фаворе? Помилуйте, вот так новость! Это уж не один десяток лет всем известно. Почему понадобилось подчеркивать сей факт именно сейчас? Или батюшка был в немилости, и его величество дает двору понять, что опала окончена? Но о королевском недовольстве я бы, скорее всего, знала, такое шило в мешке не утаишь. Или…

Безнадежно. О политических тенденциях Карлиона в целом и двора в частности мне было известно катастрофически мало.

Впрочем, скажем честно, и сейчас меня беспокоила не столько политическая мысль (боги, помилуйте, какое чудовищное слово «мысль», кто додумался применить его ко мне?), сколько любопытство. Зачем, ваше величество? Зачем вам это понадобилось, ну зачем, зачем, заче-е-ем?

Увы, ныть и канючить у его величества ответ запрещал этикет, более трех десятков поколений гордых предков, здравый смысл и матушка. И если первые три пункта за нарушение покарать не могли, то герцогиня…

Когда полонез закончился, его величество, как и приличествует благовоспитанному партнеру, повел меня к отцу. Но как-то неспешно, не отказывая себе в удовольствии перекинуться словом то с одним, то с другим гостем. Я прилежно болталась на монаршем локте, собирая свою жатву комплиментов: в мимолетном сиянии монаршего внимания, все вдруг рассмотрели, насколько хороша дочь герцога Аласского, и спешили ей об этом сообщить. Я благосклонно принимала славословия, сортируя их на те, что превозносят моего влиятельного батюшку, и те, которые восхваляют прозорливость его величества, разглядевшего этакую жемчужину там, где все, вот буквально все до него были слепы.

Первые я потом передам родителю, все равно не моё, а вторые достигли адресата и без моих усилий, а для меня они означали лишь то, что бал будет трудным. Танцы для меня закончились вот буквально только что, не начавшись, дальше всё, будет политика.

Это грустно: танцы я любила, придворные интриги – совершенно нет. Моя деятельность на этом поприще в редких выступлениях сводилась к тому, чтобы запомнить сказанное, передать его сиятельству и получить инструкции на будущее.

Инструкции обычно гласили «Больше приглашений на танцы от этого, того и еще, на всякий случай, вот тех двоих, не принимать!» и на этом мое участие в политическом процессе заканчивалось.

Учитывая мою крохотную особенность деликатнейшего свойства, его сиятельство не собирался выдавать единственную дочь замуж на сторону. Ни ради политического союза, ни ради выгодной сделки, ни ради демонстрации влиятельности и процветания.

Меня ждал скорый брак с одним из отцовских вассалов, надежным и неболтливым, который объяснят свету великой любовью. И его сиятельство лишь руками разведет, показывая, как ничего не смог поделать с упрямой дочерью, а ее сиятельство, в кругу ближайших и доверенных подруг неодобрительно подожмет губы, и скажет: «Любовь!» – и вздохнет, давая понять, что выбор мой ей непонятен, но препятствовать счастью дочери она не считает возможным…

– Как вам праздник, мой друг?

– Благодарю, ваше величество, великолепно, как всегда, – почтительно отозвался очередной королевский собеседник.

Тон был безукоризненно вежлив, но в голосе слышалась некая обреченность. Не явно, нет, но на самой грани восприятия, интонационно скользило «Вы же знаете, что мне плевать, зачем вы спрашиваете, мой король?» и я позволила себе пристально взглянуть на человека, которому такая вольность дозволена.

Черное и зеленое.

Цвета заставили мысленно поморщиться и медленно поднять голову.

Типичная внешность дворянина из высшей знати: светлокожий шатен, рослый и плечистый. Того типа хамелеонской наружности, который может и привлекать

всеобщее внимание, и сливаться с окружающей обстановкой – не сразу узнаешь. Вот только я-то не мимо проходящая! И герцога Вейлеронского, заклятого врага рода, а значит, и моего по наследству, узнала сразу.

Его величество улыбнулся еще шире, и в этой улыбке безошибочно читался ответ на не прозвучавший вопрос: знаю, друг мой – потому и спрашиваю!

– Вы знакомы с тэйрим Нисайем, мой друг?

Монарший вопрос звучал так же небрежно, как и все брошенные ранее реплики и внутреннее машинальное напряжение при виде вражеских расцветок меня отпустило.

– Не имел чести быть лично представленным, – равнодушно отозвался герцог, мазнув по мне невыразительным взглядом.

– Досадное упущение! – его величество неодобрительно покачал головой. – Тэйрим Нисайем, позвольте представить вам моего дорогого друга тэйра Алиссандра, герцога Вейлеронского.

Этикет позволял дамам в таких ситуациях хранить молчание, что я и сделала, ограничившись почтительным реверансом. Герцог тоже поклонился, по-военному резковато, и мы оба с надеждой перевели взгляды на короля, как дети на гувернера в ожидании разрешения закончить занятия и отправиться гулять. Право слово, ваше величество, отпустите!

– У меня будет просьба к вам, Вейлерон. Неотложные дела требуют моего внимания, а я так и не исполнил свой долг до конца и не сопроводил прекрасную тэйрим к ее батюшке. Не будете ли вы так любезны – пригласить тэйрим на танец, а затем завершить начатое мной дело?

– Ваше слово – закон, ваше величество, – помедлив долю секунды, отозвался герцог, и мне сделалось очень тоскливо.

Ну заче-ем, ваше величество?..

Теперь голос в голове не канючил, а обреченно стонал.

Его величество ободряюще мне улыбнулся – королевский долг, дорогуша, это вам не по озерам ночами скакать – напоследок поднес мои пальцы к губам, обозначив поцелуй лишь коротким дыханием и вложил их в протянутую герцогскую ладонь.

Передача девицы во вражеские руки прошла гладко и безобморочно, не глядя на зудящее желание закатить глаза с видом «дурно мне, дурно!». В данной ситуации тэйр Алиссандр однозначно прав: монаршая воля – закон.

Дрожащие звуки вальса тронули воздух, и я послушно увлеклась за герцогом отбывать повинность. Ну почему именно вальс?..

Первый шаг в него – как последний, всегда. Как последний вдох, как упасть с обрыва, как перестать быть.

И родиться заново.

Закружиться, чувствуя, как юбки раздуваются колоколом и почти взлететь…

И единственное, что удерживает в этот миг на земле – это партнер.

Я зацепилась за сосредоточенный карий взгляд, и спустилась с небес на землю, испытав острое чувство досады от того, что делить любимый танец приходится именно с тем, кого мне полагается всеми фибрами души ненавидеть и презирать.

– Дивный бал, ваша светлость, не правда ли? – светски осведомилась я.

Можно было бы, конечно, промолчать. Но тогда, во-первых, пришлось бы волей-неволей сосредотачиваться на танце, а танцевал герцог отвратительно хорошо, а я просто не имела права получать от этого танца удовольствие во имя славных предков. А во-вторых, от чего это я ему буду удовольствие доставлять своим молчанием?!

– Ее высочество превзошла саму себя, – вежливо отозвался Вейлерон.

Голос у него был глубокий и низкий и от того, что звучал он неприлично близко, пока его владелец кружил меня в танце, по позвоночнику странным образом пробегали мурашки. Вот прямо от того места, где моей спины касалось ребро мужской ладони, и вниз, вниз, вниз…

А ее высочество действительно превзошла саму себя. Приветствие, первый бал праздничного зимнего семидневья, всегда строг. Он ограничен традициями, наряды гостей – родовыми цветами, убранство зала – сдержанной простотой.

И бальный зал королевского дворца казался не украшенным ничем, кроме мерцающих в воздухе иллюзорных искристых снежинок. Но только до тех пор, пока гость не оказывался в нужном месте.

От главного входа в зал перед гостями проявлялась карта земель Карлиона. Она висела в воздухе, доминируя над всем, прекрасно проработанная и четко видимая – но только с одного-единственного места.

С того места, где дворяне приветствовали своего монарха, проявлялся над королевской семьей герб Герингов – но, лишь в тот момент, пока ты в движении поднимаешься из поклона.

С того места, где герцогская семья ожидала начала полонеза, я отыскала еще три узора и, будь это возможно, я бы вволю погуляла по залу, разглядывая творение ее высочества. Столь мастерское исполнение многомерных сложных иллюзий заслуживало куда большего почтения, чем выдавленные через силу снисходительные слова.

– Вы обратили внимание на то, как филигранно выполнена гербовая иллюзия?

Я замолчала, позволяя герцогу согласиться, что да, несомненно, филигранно.

– А карта? Вы оценили степень проработки деталей?

Вопросы сыпались градом, наблюдательностью меня боги на герцогскую беду не обделили. После каждого я выдерживала выжидательную паузу, давая понять собеседнику, что моя прекрасная светская беседа в обязательном порядке требует поддержания и активного участия. И герцог вынужденно участвовал:

да, и проработка деталей прекрасна, и карта великолепна, и снежинки мерцают особенно искристо.

– Вы магиня, тэйрим Нисайем?

Я не считала, на каком вопросе герцог не выдержал и решил сменить тему, но все равно собой возгордилась.

– Увы, – печальный вздох колыхнул алое кружево на груди. – Мать-Искусница не удостоила меня прикосновением своей длани.

В моем случае, зато от души Пройдоха-Бес потоптался, но об этом злейшему врагу знать точно не нужно!

– Но сиятельная матушка очень хвалит мою вышивку! – осчастливила я собеседника.

Отец как-то поучал меня, что глупенькие девушки вызывают у мужчин приступы неконтролируемого умиления, и женская глупость – это оружие, которое надо использовать с умом. Что ж, папенька, я имею вам сказать, что у отдельных личностей неконтролируемое умиление слишком похоже на плохо контролируемое раздражение!

– А в какой сфере лежат ваши таланты? – беззаботно поинтересовалась я у сильнейшего боевого мага королевства, героя-победителя и прославленного воина, о талантах которого известно каждой собаке.

Меня крутануло в фигуре с особой силой, так, что, вернувшись в мужские объятия, я почти врезалась в твердую грудь.

– Трудно сказать, – ровно произнес герцог, и я вынуждена была признать, что на провокацию он не поддался, а тот добавил: – Но определенно не в сфере вышивки.

Вот… подлец!

Я против воли оскорбленно вспыхнула, но придумать ответную гадость, укладывающуюся в рамки этикета, не успела. Финальный поворот, мы разошлись так, что даже наши руки практически разъединились, а потом, когда до разрыва оставались миллиметры, герцог подхватил кончики моих пальцев, зацепил, потянул…

Поворот. Поворот. Поворот.

Юбка захлестнулась вокруг ног, и я на мгновение все же прикоснулась грудью к чужой груди, чтобы тут же волной податься назад и опуститься в финальном реверансе.

Сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

Но, выпрямляясь, я уже взяла себя в руки и одарила партнера только фарфоровой кукольной улыбкой. Позволяя сопроводить себя прямиком к папеньке, на этот раз без всяких задержек и кратчайшим путем.

А папенька…

Папенька беседовал с Астеем Пятым.

Все-таки странное у его величества было неотложное дело, которое категорически мешало довести меня до пункта назначения!

Взгляд наткнулся на Виторика, ведущего под руку девицу… в черно-зеленом платье. Наши взгляды встретились, старший братец недоуменно вскинул брови, я ответила ему тем же взглядом, но дольше перемигиваться нам не позволили.

– К слову о примирении! – воскликнул его величество, стоило нам приблизиться, но не позволив никому сказать и слова.

И вскинул руку. Музыка и разговоры плавно стихли, и хорошо поставленный голос удивительно сочно прозвучал в замершем зале.

– Мы, его величество Астей Пятый, имеем особенное удовольствие объявить в день светлого праздника об объединении двух славных домов, о двух союзах,

благословлённых богами и моей волей. Объявляется помолвка между тэйром Витториком, маркизом Крионским, и тэйрим Оленной и между тэйром Алиссандром, герцогом Вейлеронским, и тэйрим Нисайем. И мы все с вами приглашены на свадебные торжества, которые пройдут в последний день праздничных гуляний! Во имя прекращения старой вражды!

Мои пальцы, расслабленно лежащие на герцогском локте, сжались впиваясь ногтями в плотную ткань фрака.

А вот вам и ответ на вопрос «Заче-е-е-ем?»…

Я совершенно непроизвольно отметила, что в день моей свадьбы темой бала назначены «Зимние узоры».

Спокойно. Это не могло случиться без дозволения его сиятельства батюшки, а если это случилось с его дозволения, значит, всё идет своим чередом!

Нет причин паниковать!

Я подняла взгляд на отца.

Его сиятельство герцог Аласский стоял с благожелательно-нейтральным выражением лица, с каким обычно принимал вести о том, что отряды инородцев в полудне пути от замка Лунь, и как раз тогда, когда гарнизон ослаблен на треть, потому что, согласно донесениям, военная активность племен минимальна.

Обычно сразу после этого следовали решительные действия, а затем – массовые казни среди дозорных, чьи разъезды простираются на три дня пути от отцовских земель, и разведки.

Его сиятельство герцог Вейлеронский стоял с лицом, по выразительности соперничающим с обухом боевого топора.

Ладно. Пожалуй, можно начинать паниковать!

И я позволила себе хлопнуть ресницами. Дважды.

Братец Виторик выглядел сдержанным и равнодушным, остальные четыре старших брата если и имели что сказать, не смели сделать это раньше отца и Вита. Ее сиятельство матушка сияла верноподданническим почтением и красотой, ее сиятельство вдовствующая герцогиня Вейлеронская глядела на его величество прямо и с неодобрением.

Всеми забытые в этой мизансцене тэйрим Нисайем и тэйрим Оллена выглядели зеркальным отражением друг друга – две одинаково улыбающиеся нарядные куклы.

Мне ужасно хотелось бегать по бальному залу туда и обратно, дергать себя за волосы и голосить что-нибудь вроде «Думай-думай-думай!»

Эта бестолковая и бессмысленная активность, почему-то, как правило, ужасно благотворно на меня действовала, и я, в худшем случае, уставала и успокаивалась, а в лучшем – и впрямь что-нибудь придумывала, но сейчас любимый тайный способ самоуспокоения был печально недоступен.

И, может быть, никогда не будет больше доступен – разве в замке Страж кто-нибудь дозволит герцогской супруге эдакую глупость?

Спокойно, Нисайем. Может, всё ещё обойдётся!

Я дворянка. Дворянку невозможно выдать замуж быстрее, чем через полгода после объявления о помолвке! Ведь это же гости, которых нужно принять, разместить, развлечь… И главное, конечно, собрать.

Платье. Не меньше четырех месяцев будут шить только платье, достойное герцогского бракосочетания!

А ещё есть вопросы приданого, и они уж точно быстро не решаются, а в нашем случае и пода…

– Тэйрим Нисайем, тэйрим Оллена…

Истеричное метание моих мыслей было прервано ее высочеством, подошедшей совершенно неслышно – или же это я, поглощенная своей паникой, умудрилась

пропустить явление хозяйки бала!

И, торопясь исправить свою оплошность, я опустилась в реверансе – синхронно с сестрой Вейлерона.

– Полно, тэйрим, – благосклонно улыбнулась принцесса Рейнара. – Встаньте. Я пришла сообщить вам, что его королевское величество осознает, сколь важно для юных тэйрим выглядеть достойно в великий день своего бракосочетания, и в своей милости, дарит вам обеим свадебные платья. Завтра к двум часам пополудни вам надлежит явиться во дворец, чтобы королевские швеи подогнали ваши наряды.

Вот так. Минус одна причина для задержек. О гостях и думать не стоило – все здесь, и проблемы размещения с развлечениями решены. Надо полагать, вопросы с приданым от обеих сторон будут улажены столь же стремительно.

Всякая надежда, что «великий день» удастся если не отменить, то оттянуть, увяла, зачахла и скончалась.

– А сейчас, дорогие гости, вы можете продолжить веселье, а нам с герцогом Аласским и Вейлеронским необходимо обсудить кое-какие детали.

Его величество взглядом велел отцу и жениху (боги, за что?!) следовать за ним, и прошел к боковому выходу, а мне пришлось сделать некоторое усилие, чтобы разжать пальцы и выпустить герцогский локоть.

Мужчины ушли, а мы остались стоять вокруг принцессы Рейнары торжественным веночком, по правую руку Алассы, по левую руку Вейлероны, все взгляды устремлены на ее высочество.

Её высочество держалась с уместной в данной ситуации благожелательностью и невозмутимостью, но мне всё равно казалось, что она чуть сочувствует нам и слегка веселится. Абсолютно безосновательно казалось, конечно.

Ее высочество поймала мой взгляд, и доброжелательно поинтересовалась:

– Вы что-то хотели сказать, милая тэйрим Нисайем?

Нет, я просто задумалась, но это был бы неверный вариант ответа. Поэтому я быстро присела в неглубоком, но почтительном реверансе:

– Да, ваше высочество! Ваши иллюзии… я хотела отметить, что они удивительно сложны и столь же безупречны. Увы, мне пока не представилось возможным рассмотреть их по-настоящему, но… Я преклоняюсь перед вашим мастерством, ваше высочество!

Она чуть усмехнулась:

– Вот как? Полагаю, тэйрам это будет неинтересно, а мы можем и посмотреть, – снисходительно приняла первая тэя двора мой комплимент.

Братья и мужская часть Вейлеронов сообразительно воспользовались разрешением покинуть дамский круг, и откланялись, а мы двинулись вперед, всё тем же манером: Алассы справа, Вейлероны слева, но теперь уже исключительно дамской компанией. При этом я и тэйрим Оллена оказались к принцессе ближе всего, видимо, как будущие невесты.

Матушка плыла справа и чуть позади меня и всем видом одобряла свою дочь.

– Если желаете, могу поделиться, как будет украшена ваша свадьба, – великодушно предложила ее высочество.

Свадьба! Свадьба!!!

Почему я уже второй раз за вечер лишена возможности прикрыть глаза и простонать: «Дурно мне, дурно!»?

Глава 2

– Род Аласс не согласен с предложением вашего величества!

Стоило только дверям королевского кабинета отрезать нас от сопровождения и внимания бдительного секретаря, Вольтур Аласс подал голос.

Старый осёл, как будто не понимает, что его величество уже не отступит. Даже пожелай он изменить решение, публичное объявление лишило его этой возможности.

К чему это заявление? Пустое сопротивление ради сопротивления? Желание выбить из короля что-то взамен? Другие далеко идущие планы?

– Это не предложение, друг мой, – тон Астея Пятого был обманчиво мягок и вкрадчив. – Это приказ. И ты его исполнишь.

– Я не дам согласия на брак своих детей.

– Вы забываетесь, герцог Аласский, – еще мягче обронил его величество.

Они застыли друг напротив друга в напряженных позах – Вольтур Аласский сухой и жилистый, Астей Пятый Герингем более грузный – но во многом схожие: один рост, один возраст, даже профили одинаковые, остроклювые.

Красно-белый и черно-алый наряды феноменальным образом лишь подчеркивали сходство.

Я не испытывал желания лезть между ними. Зачем? Пусть старый недруг первым разозлит Астея и первым примет на себя удар. А когда король приведет его в чувство и спустит пар, тогда и поговорим.

– Перед моим именем стоит не «рихт[4 - Обращение к мужчине-простолюдину. Рихта – к замужней женщине. Рихтим – к незамужней.]», а «тэйр», ваше величество!

Моего будущего тестя несло: только что он фактически заявил королю, что это ОН, Астей Пятый Герингем, забывается, вмешиваясь в семейные отношения высшей знати.

И не стоит думать, что его величество не заметит или спустит старому другу эту правду на грани дерзости. Королевская дружба – она такая. В ней крайне не рекомендуется переходить границ.

– Мои привилегии и права я заслужил, не шаркая каблуками при дворе, а защищая границы королевства от набегов инородцев, – продолжил, набычившись, Аласс.

Видимо, здорово его величество задел дворянскую гордость своего вассала, если тот пустил в ход шантаж, напомнив, кто бережет спокойствие королевства.

Герцогства Аласское и Вейлеронское – щит Карлиона, последний оплот равнин. Предгорья, за которыми Сонные Горы, откуда то и дело рвутся в равнинные земли, в человеческие королевства, орды неведомых тварей.

Это тебе не симпатичные лесовички и горянки разных форм и мастей, с которыми иной раз могут закрутить лихой роман искатели экзотики и новых впечатлений, и даже не инородцы-приживалы, которых выявить сложнее, чем избавиться.

Это в прямом смысле слова – неведомые, и в прямом смысле слова – твари.

Королевства, конечно, и между собой сцепиться не дураки – последняя такая драка покрыла меня славой и приблизила к монаршей милости, но орды инородцев… Это другое.

Когда на равнины идет очередная Великая Волна, королевства объединяют силы, все резервы и ресурсы встают за щитами воинов пограничных земель, протянувшихся по предгорьям. Но Великая Волна – особый случай, само собой. Это случается не каждый год и даже, слава богам, не каждое десятилетие.

А вот рядовые набеги на земли каждого пограничного тэйра бывают по два-три раза в год, а то и чаще. Обычное дело: племена инородцев Сонных Гор тянут языки к мягкому мясу равнин, но напарываются на клинки сторожевых замков.

Вольтур Аласс, герцог Аласский, только что дал понять, что, продолжи король упорствовать, он способен пропустить следующую малую волну к неготовым к

такому повороту событий соседям.

Если, конечно, у меня от близкого семейного счастья не приключилось слуховых галлюцинаций.

– Мятеж? – ощерился Астей.

– Посягательство на неотъемлемых правы дворян? – зеркально осклабившись, отразил выпад Аласский.

– Что ж, – и в этом королевском голосе скрежетнул металл монаршей воли. – Будь по-твоему. Я не стану требовать этих брачных уз. Но сегодня же все члены рода Аласс оставят занимаемые должности, и в три дня должны будут покинуть столицу. С этого момента и до моего отдельного распоряжения вам запрещено появляться в Акрейне. Вы можете…

Его величество огласил список оставленных старому другу свобод (не балуя его оными – осталось, как раз то, что входит в неотъемлемых правы дворян), и Аласс, не дрогнув, склонил голову в почтительнейшем из согласий:

– Да будет так, ваше величество. В таком случае род Аласс добровольно ограничивает свое экономическое присутствие вне границ герцогства и отзывает вложения в следующие проекты…

А ведь сцепились не на шутку, оба на взводе, глаза горят – рвут друг из друга куски мяса, как волки над добычей. Показным сопротивлением ради сопротивления и не пахнет: почтенный тэйр, похоже, твердо намерен загнать свое герцогство в опалу, но не смешать кровь с заклятым врагом!

Про моё присутствие здесь же, в кабинете то ли оба забыли, то ли наплевали пока… Сдержав усмешку, я позволил себе откинуться на стену и наблюдать за схваткой отстраненно.

О необходимости жениться его величество заговаривал со мной уже не раз. Я отшучивался, пока это было прилично, а когда увиливать стало чревато, признался, что невесту уже выбрал, и помолвка – дело почти решенное, осталось договориться об условиях. После победы над Фолебергом Астей Пятый стал

звать меня другом, приблизил и дозволял многие вольности, но королевская дружба – такая зыбкая почва, которой я старался не злоупотреблять. Благо, интересы мои лежали достаточно далеко от дворца и придворной жизни.

Правильно делал – это я точно мог сказать, наблюдая, как ради государственных интересов его величество гнет в дугу старого друга, с которым действительно дружил не одно десятилетие, а не просто благоволил в свете удачной военной кампании.

В отличии от меня, прославившегося при дворе не только победами, но еще и редкой нелюдимостью, герцог Аласский – влиятельный политик и экономический деятель. И от его влияния Астей Пятый сейчас отхватывал здоровенные куски.

Интересно, Вольтур Аласс так любит детей, или так не любит меня?

Нельзя сказать, что Астей Пятый был так уж неправ в своем желании помирить враждующих соседей. Просто шансы на успех я оценивал, как мизерные.

Вражда началась около трех веков назад.

В наших предгорьях, богатых лесом, охотничьими угодьями и многими другими, без сомнения, ценными ресурсами, исключительно мало пахотных земель. Каждая сажень, годная под распашку, стоит очень дорого. Около двухсот лет назад некий тэйр Кассиль Ингер, имеющий во владении весьма лакомый кусок земель с романтичным названием «Медовая долина», в народе носящий куда более простецкое название «Воловьи лужки», возжелал передать его за кое-какие услуги некому эссею[5 - Эссей – обращение к горожанину, состоятельному человеку. Эсса – горожанка. Эссим – незамужняя дочь горожанина.], о чем была составлена соответствующая бумага.

Новый владелец Долин-Лужков с документом на право владения явился к моему почтенному предку, герцогу Эриху Волкоглазому Вейлерону, и предложил продать ему эту землю. И продал, за огромные деньги – ибо прекрасно понимал, какова ее ценность в наших суровых краях.

Лет через десять, после смерти тэйра Ингера, к герцогу Гийому Аласскому явился сын покойного, унаследовавший Воловьи лужки согласно завещанию, и вступивший в право владения законным образом. И продал их повторно.

Когда стороны, каждая из которых считала себя единственным и законным владельцем угодий, столкнулись, случилось то, что и должно было – конфликт интересов.

Сын тэйра Ингера утверждал, что никакой передачи земель не было, а полученный моим предком документ – фальшивка. Эссей, продавший Эриху Вейлерону землю, за это время, разумеется, затерялся на просторах королевств.

Единственным способом восстановить справедливость оставался королевский суд – вот только незадолго до него, бумага, подтверждающая что эссей получил Медовую долину в оплату неких услуг, исчезла без следа. Не важно, что её видела целая толпа свидетелей – магически доказать подлинность документа стало невозможно. И король признал законным владельцем земель герцога Аласского.

Эрих Волкоглазый не стерпел подобного унижения. Мало того, что у Аласских и так земель, годных под возделывание, было больше, так его еще и выставили дурнем, облапошенным безродным горожанином.

Он поднял боевые стяги и силой отбил принадлежащее ему по праву. Так началась междоусобная война, затянувшаяся на полстолетия. Когда мои предки не отражали набеги инородцев – они сражались с Алассами. Со временем столкновения пошли на убыль, но вражда так и осталась. Вейлероны не оставляли попыток вернуть своё, Алассы не желали отдавать неправедно полученное, и сколько дров было подброшено в топку этой вражды за века – не сосчитать.

Дед ненавидел герцога Аласского люто, до зубовного скрежета.

Отец относился гораздо спокойней, но, сколько я себя помню, что бы ни стряслось в замке Страж, виноватых долго искать не приходилось – это всегда были происки Алассов.

Эти мысли катились незначительным фоном, в то время как здесь и сейчас я внимательно слушал. Герцог Аласский принимал участие во многих значимых для королевства проектах, которые сейчас просто и незатейливо обескровливал, отзывая своё золото.

Неприятно даже подумать, какие потери при этом понесет он сам, но тут, кажется, уже вступил принцип «лишь бы соседу было еще хуже».

А «соседу» было и впрямь не сладко: Аласский попал, куда метил.

И когда герцог закончил перечислять, из каких еще кампаний корона должна вернуть ему средства (кстати, занятные сведения об интересах черно-алых), его величество навалился ладонями на стол:

– Да что ж ты так уперся?

– Ваше величество отдает мою дочь моему врагу! – Нет, Вольтур Аласс не позволил себе ни единого непочтительного движения или интонации, но гнев и упрямая решимость стоять до конца были понятны.

– Зато отдаю тебе – дочь твоего врага! – парировал Астей.

А я сдержал усмешку: как изящно Астей Пятый обозначил, что я сам не враг Аласскому, а лишь мой отец.

– Ваше величество, как будто я и впрямь могу сделать невинной девушке что-то плохое! – надменно вздернул подбородок Аласс.

Это ты, сволочь старая, намекаешь, что я – могу?!

Я лениво, плавно перетек из одного положения в другое, вспоминая, что как маг герцог Аласский не очень силен, хотя коварен и сложно прогнозируем в бою.

Ну ничего, и не таких в щебень перетирали.

Но моё предложение завершить старую вражду другим способом, прояснив все один на один старым добрым поединком чести, опередил его величество Астей Пятый.

– Раз это твоё единственное опасение, – по-змеиному быстро отреагировал король, – то, полагаю, если его сиятельство герцог Вейлеронский даст слово обращаться с тэйрим Нисайем со всем возможным почтением, камень

преткновения будет устранен! Не так ли, друг мой?

На Аласса было приятно посмотреть: его явно распирало желание «дорогому другу» много, много доброго, но… Пойманный на слове он стоял и молчал.

Заявить прямо, что моего слова недостаточно, он не мог. И он, и я, и его величество понимали: такое оскорбление спустить я не смогу, даже если захочу, а я не захочу. А в поединке со мной у него нет шансов, и неважно, магией мы будем сражаться или железом. Я сильней и там, и там, у меня больше боевого опыта и я банально моложе. Род Аласс сменит главу, и его величество всё равно выдаст его дочь замуж. Но уже без моего слова.

– А что, его сиятельству герцогу Вейлеронскому нечего сказать по поводу сложившейся ситуации? – с ненавистью выплюнул Вольтур Аласс.

О, боги, какие страсти! Из-за какой-то тэйрим, у которой и глянуть не на что.

Я пожал плечом, флегматично поведав тэйру очевидное:

– Если его величество решил меня женить – он женит.

Потому что я на такие жертвы, как Аласский, не пойду, подставляя всех, за кого отвечаю, только ради того, чтобы отстоять своё «не хочу», изначально больше похожее на детские капризы.

– Так какая разница, – развил я свою мысль, – та девица или другая? За эту мне, по крайней мере, Воловьи лужки отдадут.

И пусть этого никто пока не озвучивал, но именно ради этой передачи, я это знал, и была, по большому счету, устроена вся затея со свадьбами. Ибо единственный способ прекратить междоусобицу (не вражду, нет) внутри королевства – это законно отнять у Аласского и законно отдать мне спорные земли в составе приданого за его дочь.

Я ожидал, что на эти слова, фактически признающие, что я не отличаю его дочь от еще полусотни точно таких же дворянских дочек, присутствующих сегодня на балу, он ответит злостью, ядовитой репликой, возможно, даже повторным

отказом от брака, но…

Аласс посмотрел на меня с жалостью. А потом обратился к королю:

– И вот этому чурбану, ваше величество, вы отдаете мою девочку?

А Астей Пятый неожиданно почти смутился:

– Он исправится, – непонятно, но уверенно пообещал король. – А Медовую долину всё же придется отдать как приданое.

– Ваше величество, – надменно отозвался Аласс. – За своей дочерью я дам достойное, – это слово он выделил голосом, – приданое. А не несчастный клочок земли, опустошенный непрекращающимися боевыми действиями.

– Разумно, тэйр. – Я согласно склонил голову. – В конце концов, девица не маг.

А вот теперь укол прошел. Герцог Аласский отлично держал удар, но бешенство, полыхнувшее в светлых глазах на миг, и тут же схлынувшее, сказало об этом недвусмысленно.

– Если для вас это принципиально, тэйр, – ядом в его голосе можно было отравить все земли Вейлерона, – то, может быть, вы на этом основании все же откажетесь от брака?

– Для меня это значения не имеет, – скучающе признался я. – Но роду важно, каких детей она родит. Поэтому, вполне справедливо, если мой род получит компенсацию за этот риск в виде достойного, – теперь уже я выделил это слово, – приданого.

Герцог Аласский на секунду прикрыл глаза, усмиряя эмоции, а когда открыл их и заговорил, голос его был сух и спокоен:

– Хорошо. Я дам согласие на оба брака. Но при условии, что его сиятельство герцог Вейлерон здесь и сейчас даст слово, что он будет относиться к моей дочери с почтением, не причинит ей обиды намеренно и не попрекнет Нисайем ее даром ни наедине, ни при ком-то, ни за ее спиной! Иначе, – он коротко

улыбнулся, – замок Лунь попросту уйдет в осаду, и на следующие переговоры, ваше величество, вам придется явиться во главе войска.

Я, к слову сказать, и не отказался бы прогуляться с войском по землям Аласских!

Но кто ж мне даст.

Слово я дал без внутреннего сопротивления. Смешно, право, я и без того не имел дурных намерений относительно этой тэйрим. Вражда враждой, но я не сражаюсь с девицами. И уж тем более считаю ниже своего достоинства, пакостить недругу, третируя его дочь – это удел слабаков.

– Мне тоже понадобится ваше слово, тэйр, – бросил я, закончив со своими обещаниями. – И ваше, и вашего сына. Своим предположением о том, что я способен причинить вред вашей дочери, вы заставили меня волноваться о судьбе Оленны.

Аласс сощурил глаза и раздул ноздри. Что? Не нравится? Эх, жаль все же, что дело не дошло, а теперь уже, пожалуй, и не дойдет до поединка.

А еще жаль, что его величество не понимает, что за несколько столетий несчастные Воловьи Лужки – это всего лишь первый номер в длинном списке счетов, которые Алассы и Вейлероны могут друг другу выставить.

И регулярно выставляют.

Кабинет его величества я покинул первым, сразу после подписания соглашения. Спор по поводу приданого с обеих сторон был ожесточенным, азартным, выматывающим, но удовлетворительным по итогам. Я получал, что хотел, Аласс отдавал, что не хотел – это ли не счастье?

Когда обе подписи украсили вензелями и магическими печатями тут же составленный лично его величеством документ, Аласс посмотрел на меня с надменным вызовом и обронил:

– Раз мы покончили с этим неприятным делом, позвольте обсудить с вами, ваше величество, еще один вопрос наедине?

Старый скряга хочет продемонстрировать мне, что у него с королем по-прежнему мир и дружба, несмотря на все то, что они только что друг другу наговорили? Да на здоровье!

Я молча поклонился суверену и удалился. А в коридоре некоторое время постоял в раздумьях.

Можно было бы прямо сейчас удалится в какой-нибудь более уединенный уголок дворца, пока не истечет время, которое необходимо «отбыть» на королевском празднике. В конце концов, главную публичную роль на этом балу я отыграл, а подобные масштабные мероприятия не доставляют мне удовольствия. Если уж и устраивать торжества, то в близком кругу приятных тебе людей (роскошь, недоступная королям).

Но данное Алассу слово, что бы он там себе ни думал, имело для меня значение. Значит, оставалось еще одно дело перед тем, как я смогу покинуть дворец.

Отыскать новообретенную невесту оказалось удивительно просто – непривычное скопление черных нарядов Алассов и Вейлеронов бросалось в глаза. Ее высочество, чьи таланты так нахваливала мне юная тэйрим, взяла на себя роль парламентера, и ее платье пронзительно белело на этом фоне.

Сама тэйрим Нисайем стояла возле принцессы и что-то вдумчиво разглядывала под ее объяснения.

Я остановился и позволил себе присмотреться.

Хорошенькая.

Не красавица, за которой тянется шлейф разбитых сердец, но и не та, которую замуж берут «не глядя» за одно лишь приданое. Волосы слегка отливают медью, а глаза – зеленью, но яркости рыжих и зеленоглазых ей не хватает. Светлая кожа, прямой классический нос, к счастью, унаследованный от герцогини. Что еще?..

Черно-алый ей не идет.

Блуждающий по залу тот самый зеленоватый взгляд остановился на мне, и я, прекратив пустые разглядывания, направился прямиком к группке дам.

Протанцевать с невестой всего один танец, а потом испариться, да еще и уже после объявления помолвки – это дурной тон и пересуды у девушки за спиной. Мазурка вот-вот должна была закончиться, что нам достанется – кадриль или еще один вальс?

Взгляды женщин, устремленные на меня, были противоречивы.

Оленна выглядела растерянной и немного испуганной. Ей едва исполнилось восемнадцать, и о замужестве пока что речи не шло, мы планировали дать ей пару лет насладиться светом и присмотреться к потенциальным партиям. Две другие мои сестры уже были удачно пристроены, младшенькая могла позволить себе «погулять».

Матушка была зла и раздосадована. Она улыбалась, но в уголках глаз и губ притаилось бессильное раздражение. За ее спиной – тэйрим Сириль, ее воспитанница и компаньонка, а также по совместительству моя несостоявшаяся невеста, смотрела на меня с надеждой.

Герцогиня Аласская держала лицо лучше всех. По ней невозможно было понять, что что в ее жизни что-то идет не по плану – безупречна, очаровательна, приветлива. Как всегда. Старый козел Вольтур так и не смог оценить по достоинству, какая женщина ему досталась.

На тэйрим Нисайем я взглянул уже только приблизившись в упор, когда все дамы, кроме принцессы, присели в реверансе, приветствуя приближение мужчины.

Та, как и Оленна была растеряна. Но не испугана. И сквозь растерянность проглядывало любопытство – ее выдал взгляд, мазнувший по мне с головы до ног и тут же прикрытый ресницами. А услышав приглашение на следующий танец, она коротко оглянулась на мать, словно уточняла, можно ли?..

Прилежная. Послушная. Хорошие качества.

Нам снова выпал вальс.

Она хорошо танцевала. Не просто выполняла заученные движения, как марионетка, а с чувством, получая искреннее удовольствие от процесса. Первый раз. Сейчас спина под моей ладонью была напряжена, плечи тоже, движения – как раз те самые, механические. А еще она молчала, а не забивала мне голову восхищенным лепетом.

– Как вы себя чувствуете, тэйрим? – поинтересовался я.

– На нас все смотрят, – невпопад ответила девушка.

– Пусть смотрят.

– Это… странно, – она повела плечом, будто пыталась сбросить собственное оцепенение.

– Надо потерпеть еще один танец после этого, и на сегодня смотреть перестанут.

– На сегодня?

– До свадьбы шесть дней. Пока она не состоится – будут смотреть. Впрочем, полагаю, они и после посмотрели бы, но в замок Страж никто не пустит столько зрителей.

– Шесть дней… – девица, кажется, решила занять почетную должность моего эха. А потом она вдруг встрепенулась и осведомилась светским тоном, тем самым, которым третировала меня вопросами насчет убранства зала: – Значит, папенька отдал Лужки?

– Исключительно в обмен на шахту Трех Котлов.

– Справедливо, – степенно кивнула юная тэйрим с крайне серьезным выражением лица. Ее скованность таяла, как ночной лед на ярком апрельском

солнце.

Еще бы не справедливо! Эту серебряную шахту Алассы же и обвалили век назад. Да так качественно, что мой предок и все его преемники махнули рукой – вложений для восстановления требуется тьма, а гарантии того, что они окупятся – никакой. Алассы испоганили, пусть сами теперь и восстанавливают. Вейлеронам важнее земля.

– Виторик хороший человек, – внезапно выдала мне тэйрим Нисайем, вернувшись в мои объятия после очередного поворота. – Он не обидит тэйрим Оленну.

– А за себя вы не переживаете? – не удержался я от легкого подтрунивания.

– Нет! – девушка вздернула носик. – У меня есть папа, а у него – войско.

Мне стало смешно. Угрожать Вейлеронам, Алассы учатся, кажется, раньше, чем произносить собственное имя.

– У меня тоже есть войско, – счел забавным напомнить я, и этот самый носик слегка сморщился, выдавая все, что его хозяйка думает о моем войске.

Ну раз маленькая тэйрим изволит ничего не бояться и даже грозиться…

Вальс закончился, но вместо того, чтобы вернуть птенца в гнездо, я повел ее в совершенно противоположном направлении – к фуршетным столам.

Нисайем нервно оглянулась.

– Вы должны сопроводить меня к матушке.

– Как жених – не должен. К тому же, я должен провести с вами как минимум три танца, предлагаете мне бегать туда-обратно ради этого?

– Мы можем потанцевать прямо сейчас!

– Я не люблю кадриль.

Моя невеста еще раз оглянулась назад и замолчала.

– Если матушка будет ругаться, вините меня, – «утешил» я юное создание.

– Она и без меня вас прекрасно обвинит! – пробормотала тэйрим себе под нос и приняла протянутый бокал шампанского.

Я только усмехнулся – в этом, и впрямь, можно было не сомневаться!

Глава 3

Это было очень странно, смотреть на мужчину и пытаться осознать, что вот именно он – будет моим мужем. И не когда-то в отдаленном будущем, а к концу этой недели.

Я знала, что несмотря ни на что, все же выйду замуж. Засидевшаяся в девицах герцогская дочь вызовет куда больше внимания, пересудов и слухов, чем оная дочь, выскочившая замуж за неровню. Но все равно «муж» – это было такое абстрактное понятие, маячившее где-то в перспективе, но никак не конкретный человек, стоящий сейчас передо мной. И уж тем более – не враг рода.

Я привыкла иметь четкие указания на любой случай жизни: как себя вести, как смотреть, что говорить и что делать. Не то, чтобы они мне нравились – любимой игрой было обойти эти самые указания хоть чуточку – например, улыбнуться королю во время насмерть запротоколированного приветствия.

Но без них было неуютно.

А вот герцогу, казалось, было совершенно все равно, что ему подсунули незапланированную девицу. Хотя почему все равно? Получил-таки свои Лужки и радуется поди! А девица в довесок – это так, мелочь, на которую можно закрыть глаза.

Я старательно дула на угли тлеющей внутри родовой неприязни.

Вежлив – что-то задумал. Не выставил меня в неприглядном свете, пропустив танцы – печется о своей репутации. Обходителен – точно что-то задумал!

Вон как смотрит! Коварно! Злодейски! Еще и ухмылка прячется в уголках губ – тоже, несомненно, коварная и злодейская.

И вовсе мне не понравилось с ним танцевать. А что дыхание перехватывало всякий раз, как после фигуры меня притягивало обратно в уверенные, сильные объятия, и что щеки погорячели – так это от злости и физических нагрузок!

Пузырьки шампанского щекотали небо.

Угли шипели искрами, но разгораться категорически отказывались.

…мне нельзя пить больше одного бокала…

Герцог молчал, глядя куда-то в сторону. Я молчала, разглядывая его украдкой.

…когда закончится эта бесова кадриль? Отмучиться уже и обратно! За инструкциями!

Мать-Искусница услышала мои немые молитвы – помощь пришла куда быстрее.

Сначала я увидела, как его сиятельство герцог прищурился, глядя куда-то за мою спину, а потом услышала голос отца:

– Вы торопите события, тэйр Алиссандр, забрать мою дочь из семьи вы сможете только после свадьбы, а до тех пор будьте любезны возвращать ее родителям после обязательных танцев. Нисайем, твоей матушке нездоровится, с позволения его величества мы отправляемся домой.

Я с облегчением выдохнула и отставила бокал (надо же, незаметно – почти пустой). И почти сразу мою руку перехватили чужие пальцы.

– Вы прекрасны, тэйрим Нисайем, – негромко произнес Вейлерон и поднес мои пальцы к губам.

А потом вместо того, чтобы, как полагается, только обозначить поцелуй в сантиметре от кожи, поцеловал по-настоящему.

От пальцев по кисти и до самого локтя пробежали горячие мурашки, и я едва ли не выдернула руку от неожиданности. Но уроки ее сиятельства матушки сделали свое дело, выдержка мне не изменила.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, – не дрогнув голосом, кивнула я, и отправилась следом за папенькой на семейный совет.

В том, что направляемся мы именно туда – я не сомневалась. Инструкции, наконец-то!

Стоило нам выйти из малого портала в одном из потайных залов замка Лунь, его сиятельство папенька начал раздавать команды:

– Регин, распорядись найти эссея Дальгора, пусть срочно явится в мой кабинет! Отправь человека к эссею Лаугесену и узнай, где ночует Мёрк. Они мне немедленно нужны. Прикажи подготовить гонца, и… – его сиятельство уперся в массивную дверь, отделявшую подземелья от наземной части замка, и одернул сам себя: – и остальное потом.

Второй по старшинству из законных братьев почтительно поклонился отцу и отправился организовывать поиски отцовского секретаря, казначея и главы разведки (Мать-Искусница, а этого-то зачем?!). А также отдавать распоряжения насчёт гонца. Все остальные проследовали за батюшкой в кабинет.

Отец летел по коридорам, размашистым широким шагом, а я всё меньше понимала, что происходит: вопреки всему происшедшему, отец выглядел… довольным?

Во дворце, после беседы с его величеством, сквозь приличную для аристократа бесстрастность, у отца проступал гнев и оскорбленная гордость. Чужакам, возможно, и не было видно, но я-то знала его всю жизнь!

А теперь он просто лучился хищной радостью.

Матушка же выглядела недовольной – хотя я ожидала, что будет наоборот. Ведь ее дочь, от которой она не ждала уже ничего толкового, вдруг составила блестящую партию! Под покровительством самого короля! Есть же чему порадоваться, разве нет?

Поняв, что я точно не понимаю чего-то важного в ситуации, я смирилась. Не вся, только частично – любопытство усмирить не удалось. Но я весьма и весьма надеялась, что в кабинете хоть что-то мне прояснят!

У дверей своего кабинета батюшка замер так, словно впервые эти самые двери увидел. Оглянулся на свой эскорт и удивился еще больше.

– Виторик, Нисайем – в кабинет. Дражайшая супруга, прошу вас, тоже останьтесь. А вы – свободны!

Он сопроводил свои слова таким взглядом, что братьям спорить и в голову не пришло, и они покорно отбыли в направлении своих покоев. Зато появился первый из вызванных отцом помощников, эссей Стефан Лаугесен, отцовский казначей.

Ключ коснулся замка, по контуру двери разлилось теплое медовое свечение. Три поворота ключа в одну сторону, один – в обратную, придавить и подержать. Свечение опало, и отец еще дважды провернул ключ в скважине, открывая уже обычный, не магический замок.

– Прошу вас, дамы! – церемонно пригласил он нас с матушкой, активировав светильники приказом.

Свет медленно озарял просторную комнату, высокие окна с алыми шторами в черных лозах, высокие шкафы, отцовское кресло за столом и несколько стульев перед ним. Матушка, расправив юбки, опустилась на низкий боковой диванчик, и я последовала ее примеру.

Виторик с эссеем Лаугесеном дождались отцовского разрешения, и тоже сели – но на стулья перед отцовским столом, покрытым алым сукном.

Его сиятельство прошел по кабинету туда-сюда и объявил:

– Стефан, мой сын Виторик и моя дочь Нисайем в это воскресенье сочетаются узами брака с назначенными его величеством супругами.

Он взглянул на эссея Лаугесена и счел нужным успокоить верного помощника:

– Ну-ну! Эту свадьбу организовывает корона, вот пусть у королевского казначея лицо и вытягивается! Вот брачные договоры, – он достал из воздуха и один за другим поставил перед эссеем два лакированных тубуса: черно-алый и черно-зеленый. – Ознакомься, подготовь. Можешь снять копию со обоих документов в части списков. – продолжил отец, пока казначей вынул сперва договор в цветах Алассов, по которому предстояло получать имущество, а затем – в цветах Вейлеронов, по которому надлежало отдать.

И чем больше он читал второй список, тем грустнее делалось его лицо. Скорбь и мировая печаль проступали на нем, чело прорезали глубокие морщины, а взгляд наполнялся тоской.

Хм, батюшка что, половину герцогства за мной отдал? Судя по отчаянию эссея казначея, никак не меньше!

Его сиятельство, и не думая проникаться страданиями подчиненного, продолжал раздавать указания:

– Имей в виду, всё должно быть подготовлено безупречно, в лучшем виде! Еще не хватало краснеть перед старым недругом из-за какой-нибудь ерунды, по недоразумению не попавшей в приданое или испорченной! Теперь ты, сын. – Его сиятельство развернулся к Виторику. – Как тебе тэйрим Оллена?

– Хорошо воспитана, образована, маг, – охарактеризовал брат последовательно.

Когда в кабинет друг за другом вошли эссей Мёрк и эссей Дальгор, батюшка лишь рукой махнул в сторону документов, оборвав приветствия – изучайте, мол.

– Хороша собой, – продолжил наследник герцогского титула. – Решением его величества расстроена, пожалуй, больше, чем можно было бы ожидать в такой ситуации. Возможно, тэйрим Оллена кем-то увлечена…

– Таких сведений нет, – отреагировал на вопросительный взгляд отца Ричард Мёрк, глава разведки и, по совместительству, правая рука отца. – Если у сестры герцога Вейлеронского и появилась сердечная привязанность, то только в последние несколько недель перед балом.

Он задумался и уточнил:

– Ну, либо она очень ловко всё скрывала…

– Выяснить!

И эссей Мёрк почтительно склонил голову, принимая распоряжение к сведению.

– Что ж, с этим разберемся. Теперь следующее. Девицу не обижать! Я дал слово его королевскому величеству за себя и от твоего имени, что в нашей семье к ней будут относиться с должным уважением. Ты на ней женишься, это не обсуждается, других вариантов нет. Мы, конечно, за ней присмотрим, чтобы не увлекалась шпионажем в пользу Вейлерона, но… Это твоя жена, сын. Тебе с ней жить всю жизнь. Рожать и растить детей. Так что дело даже не в том, что этот брак под патронажем его величества – просто глупо обижать свою жену, ведь она же теперь твоя! Член нашей семьи.

Его сиятельство задумчиво постучал пальцами по сукну рабочего стола.

– Так что теперь иди в сокровищницу и подбери там для своей невесты подарок в честь помолвки, достойный маркиза Крионского. Не позорь семью!

Виторик склонил в голову, обозначая, что услышал и понял.

– Стефан, ты слышал? – Отец впился взглядом в тощего и сутулого казначея.

– Да, ваше сиятельство, – чопорно отозвался эссей Лаугесен, всё с тем же страданием на лице.

Удивительный он человек, эссей Лаугесен, и я не знаю, как герцог, распоряжаясь собственными средствами не чувствовал себя так, будто грабит почтенного эссея.

Когда брат и казначей вышли из кабинета, отец вышел из-за стола.

– Теперь ты, Нисайем, – его сиятельство присел на диван между мной и матушкой, и я невольно испытала волнение: папенька не баловал меня вниманием.

Да и вообще своих детей не баловал.

– Ты выходишь замуж, Нисайем, – объявил он.

Что дальше? «Пойди в сокровищницу и выбери подарок тэйру Вейлерону»?

– Не расстраивайся, – отклонился от программы его сиятельство. – Это ненадолго.

– Вольтур, может быть ты прекратишь уже строить свои многоходовые интриги? – вмешалась в разговор её сиятельство матушка, и это было удивительно, потому что она крайне редко спорила с мужем, по крайней мере – публично.

– Это решение его величества, – продолжила герцогиня, – Законный брак с прекрасной – да, прекрасной, не надо на меня так смотреть! – партией. И Нисайем должна сейчас думать о том, как стать хорошей женой, а не…

Она запнулась под внимательным взглядом отца, но взяла себя в руки и только вздернула подбородок выше, показывая, что не отступится.

– Ричард, Леон, оставьте нас, – властно повелел герцог, и оба эссея безмолвно поднялись из-за стола и покинули кабинет.

Он дождался, пока за спинами его вассалов закроется дверь, и холодно спросил:

– Дорогая, возможно, вам известно, как снять проклятие?

– Нет, – кротко ответила ее сиятельство матушка, и кротость эта была пропитана ядом. – Я знаю только, как его получить!

– Тэя Эмелисса, мы закрыли эту тему! – звякнул раздражением батюшка.

– О, да! – с горечью ответила ему супруга. – Закрыли! Но она почему-то всплывает снова и снова!

В этом и заключалась моя крохотная деликатная особенность.

Я проклята.

Я ведьма.

Предполагалось, что подробностей этой истории я, как приличная тэйрим, не знаю, и в целом, не подозреваю даже о существовании за проклятьем «истории». О ней при мне и не упоминали – разве что, вот так, вскользь, намеками и обиняками.

Но этого хватило, чтобы догадаться – во всей этой ситуации есть некая неизвестная мне подоплека.

А дальше… Если разумный хочет что-то узнать, то, живя в своем замке с рождения, он уж точно догадается кому можно задать абсолютно невинный вопрос. И с кем в беседе можно бросить ненароком реплику, которая сама по себе ничего не значит, но позволяет убедиться в верности предположений. А если этому разумному еще и некуда спешить – то рано или поздно он соберет разрозненные стеклышки в единый витраж. Может быть, витраж этот и будет отличаться от цельной картины, но исходную задумку мастера рассмотреть позволит.

Дело в том, что мой благородный отец, Вольтур Аласс, герцог Аласский, был большим ценителем прекрасных дам (о подобном приличной тэйрим тоже знать не полагается, но я и не знаю, честно-честно).

Противоположный пол отвечал ему взаимностью, и от нее нередко случались плоды: в замке Лунь, помимо законных герцогских сыновей, растет с дюжину отцовских бастардов. Герцог принимал эдакие подарки легко, признавая отпрысков, разумно полагая, что правильно воспитанный бастард послужит укреплению рода, и в этом был, безусловно, прав.

Но случались иной раз и подарки совсем другого рода.

Однажды его светлость угораздило обратить свой взор на ведьму. И ладно бы, высокий лорд просто одарил колдунью благосклонностью – так нет же.

Уж чем он ее обидел, мне выяснить не удалось, но ведьмы – существа вспыльчивые, эмоциональные и под воздействием этих своих черт, склонные к решительным и необдуманным поступкам.

Склонны-склонны, я знаю, о чем говорю. У нас вообще бездна недостатков, и только силами матушки и ее же неустанными трудами, мне удалось привить хоть какое-то подобие черт, приличествующих достойной тэйрим. И то, удалось ли, привились ли – ох, не знаю. А ее сиятельство матушка и вовсе уверяет, что я неуправляема и совершенно не поддаюсь воспитанию…

У той ведьмы не нашлось никого, кто мог бы приучить ее к благородной сдержанности, и обидевшего ее герцога она неблагородно и несдержанно прокляла.

Его сиятельство на тот момент был вне замковых стен, а походный маг-лекарь никакого проклятия не обнаружил, и батюшка решил, что брошенное ему в лицо «Твои дети будут плакать так же, как я!», было всего лишь запальчивыми словами обиженной женщины.

И лишь когда тэйр вернулся в свои земли, матушка Риксин тут же увидела, что нет, не было, и тут же похвалила высокородного тэйра за недельное промедление. Её дочери, Ните, тогда было уже пять лет, и она утверждает, что от «похвал» доброй женщины тряслись стены их избушки на болотах и ходили ходуном топи.

Это, конечно, неправда – ну не станет ведьма, выжившая и сумевшая выжить с дочерью на руках, а значит, сильная и разумная, орать на своего покровителя и благодетеля. А если и станет, то такой уж точно хватит сил принять меры, чтобы никто не узнал о подобном.

И его сиятельство герцог Аласский не из тех, кто позволит ничтожной рихте оскорбить своё достоинство. Нет-нет-нет, ни за что! Он – тэйр от кончиков

ногтей до кончиков волос, и все его вассалы, все его слуги, знают своё место!

…и уж если бы он такое непотребство позволил, ему-то точно хватило бы благоразумия не допустить утечки сведений!

Так что в этом Нита не то чтобы приврала – мне бы не посмела! Скорее, детская память сыграла с ней шутку.

А с батюшкой – его ответственность. Возможно, брось он все дела и помчись к пригретой ведьме сразу, всё бы обошлось. Но он промедлил, проклятие успело прорасти и рассеяться, матушка Риксин не сумела не то что снять его, а даже верно диагностировать, только определив, что удар придется по детям.

Всех батюшкиных отпрысков – и законных, и внебрачных – тут же проверили, но с ними всё оказалось в порядке.

О том, что герцогиня беременна, стало известно позже.

Когда я родилась, матушке Риксин меня показали немедленно.

Тогда-то и выяснилась страшная правда.

Быть магом – благородно и почетно.

Быть ведьмой – низко, постыдно, позорно!

Ведьмы распутны и порочны.

Ведьмы вздорны, злопамятны, эгоистичны, не владеют ни собой, ни собственной силой.

О нет, я не льщу себе мыслью, что уж я-то точно не такая, я просто верю, что это описание – собирательный образ, перечень всех пороков, присущих всем ведьмам, а каждой отдельно взятой достается что-то своё, но…

Два-три столетия назад меня, матушку Риксин, и её дочь Ниту отправили бы на костер.

А нынче я отправляюсь под венец с Вейлероном, и несу в его семью порченую кровь.

К слову, матушка так и не простила отцу того, что её дитя получило проклятие. Даже внебрачные сыновья его сиятельства раздражали ее куда меньше, чем родная дочь. Бастарды кланялись герцогине при встрече, держались почтительно и знали своё место, не претендуя на места её сыновей.

Дочь же…

Выплыви правда обо мне наружу, это запятнало бы ее имя. Родословная герцогов Аласских известна на десятки поколений и не отмечена ни единым сомнительным предком. Конечно, если всплывет мой дар, то всплывет и информация о проклятии, но, но, но…

Для рихтов ведовской дар – плохо, очень плохо. Для тэйров – хуже не придумаешь.

Он наследуется спонтанно и непредсказуемо, но вытравить его из родословной, если корень зла пущен, уже невозможно – ведьма может появиться и через три, через пять поколений после первоисточника.

К тому же матушке нелегко далось моё воспитание. Воспитать благородную тэйрим из ведьмы и при этом не позволь никому узнать, что она ведьма – задачка не для слабонервных. Матушка Рискин перебралась из своих болот в замок Лунь и с самых малых лет лично учила меня, как держать в узде ведьмовскую силу. А единственная ее дочь, Нита, пошла ко мне в услужение, чтобы непосредственно контролировать усвоение этих уроков и прятать мой дар за своим. Сама маменька по возможности не спускала с меня глаз, и все в замке были свято убеждены, что герцогиня души не чает в дочери и не представляет себе разлуки с ней.

Но даже этого не хватало, чтобы обеспечить пристойное поведение одной-единственной тэйрим. Я старалась, честно старалась, но…

Что там говорить – выходка с побегом на озеро, во время которой я познакомилась с его величеством Астеем Пятым, была невиннейшей из моих шалостей.

Наверное, узнав о скорой свадьбе, матушка обрадовалась, что отныне мои проказы – не её забота. И тут, конечно, решение его сиятельства расторгнуть брак и воротить проблемную дщерь к родительскому очагу, не могло вызвать радости…

Не то чтобы от этой мысли мне захотелось расплакаться – я давно признала за её сиятельством право на недовольство неудачным чадом – но всё же…

Мои родители молчаливо мерились взглядами.

Маменька отвела взор первой.

– Думаю, дорогая, тебе стоит помочь нашему сыну подобрать для невесты подарок, достойный её красоты, – сообщил герцог, и она склонила голову в согласии, а затем поднялась и вышла.

Бальное платье шелестело парчой, мерцали вышивки и иллюзии…

– Милая, – после непродолжительного молчания обратился ко мне отец, – я понимаю, ты испугана, но на самом деле тебе нечего бояться. Твой будущий супруг при мне дал слово его величеству, что не обидит свою жену и будет относиться со всем надлежащим почтением, и, если он это слово нарушит, ты в любой момент, слышишь, в любой, сможешь обратиться за защитой к королю. Что же касается остального – тебе нужно будет потерпеть совсем недолго. Только до тех пор, пока ты не найдешь артефакт Лунь.

Я почувствовала, как мои губы округляются:

– Он же пропал еще до моего рождения! Я даже не видела его ни разу!

– Ничего, это не помешает, – спокойно отозвался батюшка. – Эссей Тирениум после многолетних изысканий и кропотливой работы создал артефакт, который, по его убеждению, способен отыскать артефакт Лунь. Он внимательнейшим образом изучил все исследования его создателя, и убежден, что все работает так, как нужно. При приближении к искомому артефакт поиска начнет нагреваться. Одна проблема – максимальный радиус поиска составляет не более двадцати шагов, а использовать его могут только кровные члены рода Аласс.

Я сидела и хлопала ресницами. Бессчетное количество раз.

Артефакт Лунь – один из самых крупных булыжников преткновения между Алассами и Вейлеронами после Лужков. Он был создал моим прадедом, талантливым магом, и на то время, да и, пожалуй, сейчас, являлся одним из самых надежных средств массовой магической защиты от инородцев. Попадая в поле его действия, они будто получали удар по голове – теряли ориентацию и цель, становились медлительными и бестолковыми, и часто бросались друг на друга, а те, кто все же доходил до стен замка, легко истреблялись.

Артефакт был единственным в своем роде. Он был прочно привязан к родовым землям и не работал больше нигде, но мощь его впечатляла. Благодаря ему, герцогство Аласское однажды сумело в одиночку отбить Великую Волну. Отец рассказывал, что несмотря на то, что его дед продал короне свои изыскания, воссоздать артефакт, подобный Лунь, ни у кого не получилось. Почему – неизвестно.

А потом, спустя пару десятилетий, когда герцогом стал сын создателя и мой дед, артефакт Лунь исчез. Более того, он испарился за несколько часов до малой волны. Оставив земли Алассов абсолютно неготовыми к нападению. Они собирались сражаться с ошеломленными, раздробленными и оглушенными инородцами, а получили в противники полноценную армию.

Вполне возможно, в тот день герцогство бы пало.

Если бы не Вейлероны.

Их армия вторглась в Аласс, отбила волну, защитила равнинные земли, а герцог Вейлеронский снискал благодарность его величества и всеобщие рукоплескания.

Куда мог исчезнуть артефакт и каким образом вейлеронская армия оказалась в нужном месте в нужное время – вопрос оставался открытым.

Для всех, кроме герцога Аласского.

Дед, а за ним и отец, были свято убеждены – и веру их поколебать не мог никто – что пропажа артефакта дело рук родового врага. Другая убежденность касалась того, что Лунь и по сей день спрятан где-то во владениях Вейлеронов, скорее всего, в самом замке Страж. Уничтожить артефакт подобной силы нельзя, разве что вместе с ним уничтожить пару-тройку графств. Вывозить из страны – рискованно. Надежнее всего спрятать там, куда не ступит нога ни одного Аласса…

– Так что тебе, моя девочка, придется хорошенько постараться и поискать артефакт, но награда будет того стоить.

– Хорошо, отец, – послушно кивнула я, и герцог одобрительно улыбнулся мне в ответ.

Мысли роились, как пчелы в улье, но в одном отец был не прав: я не боялась. Вернее, до этого момента – не боялась.

А теперь и впрямь, начала – а вдруг не справлюсь?

– После того, как ты найдешь артефакт, ты позволишь Вейлерону узнать, что ты ведьма, – продолжил отец, – И вот с этого момента, дорогая, уже можно будет начать волноваться. Потому что здесь я вижу два возможных пути. Первый… если исходить из донесений моей разведки, то нынешний герцог Вейлеронский – не совсем подлец. И если это так, то он инициирует развод и вернет тебя домой. Это желательный вариант развития событий. Но видишь ли, дочь, по закону при разводе он должен будет вернуть приданое.

– Воловьи лужки? – понимающе уточнила я.

– Не только. – Отец самодовольно огладил подбородок.

Видимо, исходный список моего приданного действительно претерпел существенные изменения, и я всерьез запереживала за эссея казначея.

Как он вынесет эдакие убытки?

– Но Медовую долину, в первую очередь, – признал отец задумчиво, – И самое главное – после этого Вейлероны не смогут на нее претендовать. Приняв их как твое приданое, герцог Вейлеронский юридически признал законность нашего владения спорными землями. Если он вернет их, у него больше не будет оснований для претензий, даже таких сомнительных, как нынешние. Поэтому нельзя исключать второй вариант развития событий. Есть вероятность, что твоему супругу покажется более выгодным… овдоветь.

У меня по спине пробежал оч-чень неприятный холодок.

– Ниса, это маловероятно. – Отец сжал мою ладонь, – Но не рассматривать такую возможность нельзя. До бракосочетания еще шесть дней, мы успеем, как следует всё обдумать.

Конечно, мне следовало бы испугаться – моей жизни никогда еще не грозила сколь-нибудь серьезная опасность, но вместо этого я осторожно спросила:

– Ваше сиятельство… а как же вы?

И пояснила непониманию в отцовских глазах:

– Когда правда обо мне откроется… разве его величество не будет на вас разгневан? За то, что вы не рассказали обо мне?

Герцог чуть улыбнулся:

– Дорогая девочка, если бы я сам пришел к герцогу Вейлеронском с предложением брачного союза – это было бы бесчестьем. Но Алассы не хотели этого брака. Со своей стороны, я сделал всё, чтобы избежать его, я сопротивлялся даже в ущерб своему роду – только мне все равно не оставили выбора. А разглашать тайну проклятия – с чего бы это? Я действовал в интересах своего ребенка.

Я задумчиво разгладила юбку на коленях. Черная вышивка на алой ткани…

Ситуация требовала всестороннего осмысления.

– Ваше сиятельство, а что будет потом? – задала я прямой вопрос в надежде получить прямой ответ.

И не прогадала.

– Скандал, – совершенно спокойно признал отец. – Насколько громкий, будет зависеть лишь от того, пощадит ли Вейлерон свою сестру. Ее тоже заденет, если история получит огласку, ведь на тот момент она будет принадлежать роду Аласс. Так что есть шанс, что он ограничится узким кругом в своих претензиях – ты, я и его величество. Если же нет… Что ж, так тому и быть. Не переживай, моя девочка, твой отец о тебе позаботится. Дело за малым.

И впрямь, что это я! Выйти замуж, найти пропавший полвека назад артефакт, объявить о своем проклятии, развестись. Неплохая программа на ближайший сезон!

– Есть ли у тебя еще вопросы, дитя мое?

Вопросы?

В голове было тесно от мыслей и переживаний. Было ощущение, что там, под стенами бастиона под названием «Благородная тэйрим Нисайем» собралось народное собрание, которое вопит на разные голоса, рыдает, хохочет, злится, надеется и еще много-много всего разного испытывает. Сил защитников крепости прямо сейчас хватало лишь на то, чтобы эту ораву держать в узде. Организовать их на выступления по очереди – уже нет.

– Мне все понятно, папенька. – Я послушно склонила голову.

– Ну и славно! Сейчас я приглашу обратно эссеев, они выдадут тебе досье на всех обитателей и известные нам планы замка и вейлеронских земель. Будешь учить!

Дело за малым, говорите, папенька?

И защитники бастиона, и челядь застонали в один дружный голос.

Глава 4

– Добро пожаловать в Вейлерон, герцогиня.

Негромко прозвучало у меня над ухом, когда перед глазами перестало мелькать смещенное пространство портала. Столичный портал в Вейлероне был расположен на просторной центральной площади столицы герцогства – Антры, сейчас полностью забитой народом.

Блеснули на зимнем солнце трубы, взлетая вверх, и пропели весть – герцог Вейлеронский вернулся на свои земли. Замерла в неподвижном молчании пестрая толпа.

– Его сиятельство герцог Алиссандр Вейлерон с супругой, ее сиятельством Нисайем Вейлерон! – объявил герольд.

И пока мы шли до открытого экипажа, с ликующим «Славься!» со всех сторон молодоженам под ноги полетело зерно, сладости и мелкие монеты – жители герцогства желали своему владетелю счастливого, сытого и многочадного брака.

Герцог подал мне руку, следом сел сам. Кучер чуть шевельнул поводьями, и безупречно выученные кони тронулись с места шагом сквозь расступающуюся толпу. Я старательно улыбалась, кивала и время от времени махала рукой, как учили.

К моему огромному облегчению, выкрики были всё больше приветственные, да и враждебности от собравшегося на площади народа я не ощущала. Более того, на меня смотрели даже скорее восторженно – белое подвенечное платье, знак невиданной монаршей милости, думаю было тому не последней причиной.

Королевский белый вместо родовых цветов Вейлерона ясно давал понять всем, что эта девушка – выходит замуж под протекцией короны.

И только изумрудно-зеленая фата оставалась данью традиции…

…Тэйрим Оллена шла к алтарю в точно таком же платье, только цветом фаты невесты и различались.

Кутаясь в снежно-белую накидку, прилагающуюся к платью, я усмехнулась.

По нашим обычаям, в брак каждая тэйрим вступает, одетая в свои родовые цвета, а сразу после церемонии переодевается в цвета жениха, и на свадебный пир выходит уже в них. К подготовке собственной свадьбы я касательства не имела и была уверена, что как только мы покинем дворцовый храм, предупредительные дворцовые слуги перехватят меня и уведут переодеваться.

Каково же было моё удивление, когда после обмена брачными клятвами, с меня просто сняли алую фату и накинули ее на тэйрим Оллену, а на меня надели её, зеленую!

Судя по всему, корона изрядно потратилась на эти пройдоховы свадьбы, поэтому стремилась сэкономить хоть на такой малости, как второй комплект свадебных платьев!

На миг эти кощунственные мысли вытиснились другими воспоминаниями…

Под высокими сводами богато украшенного семейного храма Герингемов, голос жреца, читающего брачное благословение, звучал внушительно и сочно. У меня подрагивали коленки, и под фатой ужасно чесался нос, и чтобы не думать ни о том, ни о том, я сверлила взглядом треугольник жреческого медальона. Маменька была бы недовольна, она терпеть не могла, когда я сидела, уставившись в одну точку, несмотря на то, что загорелась точка от этого всего один раз!

Поэтому финальный аккорд церемонии застал меня врасплох. О том, что жрец дозволил женихам поцеловать своих невест, я поняла, только когда меня легонько потянули за локоть, разворачивая к себе лицом. Фата взлетела вверх, и

я торопливо выпустила нервно закушенную губу.

Карие глаза так близко, что в них, кажется, можно утонуть, прикосновение к затылку, едва ощутимое, кончиками пальцев, и поцелуй. Сухие твердые губы. Как печать. Раз, два, три…

И горячая дрожь волной по телу.

Я усилием воли отогнала эту картинку, напомнив себе, что женщины из рода Аласских не дрожат от страха – они заставляют дрожать своих врагов!

Вскинув подбородок выше, я улыбнулась толпе еще приветливей, стараясь не думать о том, что все эти люди присягали на верность Вейлеронам. У меня среди них союзников нет.

Кроме…

Экипаж как раз выехал с площади на главную городскую улицу, и я покрутила головой, запоминая: второй переулок от площади, угловой дом с синей крышей.

Нет, всё же, союзники у меня здесь есть: отец позаботился!

Пока мы медленно добирались от портальной площади до городских ворот, я, несмотря на накидку, успела продрогнуть. Мой муж – боги, у меня теперь есть собственный муж, и с этим нужно как-то смириться! – заметил это и сделал трудноуловимое движение рукой. Тепло волной окутало меня от ног до макушки и развеялось, но противная мышечная дрожь прошла, и холод больше не докучал. Я чувствовала себя так, будто только-только вышла из теплого помещения на мороз, и он был даже приятен.

Ну и подумаешь! Отец тоже так умеет! И Виторик! И вообще любой из братьев, и даже её сиятельство герцогиня! И я бы тоже умела, если бы была магом!

От городских ворот к замку вела широкая ровная дорога, кучер шевельнул вожжами, подгоняя лошадей, верховая охрана, по бокам тоже прибавила шагу, а вслед за ними ускорились и экипажи с прочим сопровождением.

До громады вросшего в скалу замка Страж мы долетели в миг. Я даже не успела толком навертеться головой. Хотя было бы на что там смотреть, вот у нас!..

В какой-то момент я поймала на себе внимательный взгляд новообретенного супруга, молчаливо присутствующего рядом и, против воли, чуть расправила плечи и на два градуса подняла подбородок. Так мы и прибыли – герцог и его герцогиня. Мать-Искусница, неужели это правда я?..

Внутренний двор замка был полон. Слуги выстроились по рангу ровными рядами. У основания парадной лестницы стояли домочадцы герцога Вейлеронского – те, кто не попали на свадебную церемонию во дворце, но, тем не менее, являлись членами семьи.

Алиссандр Вейлерон покинул остановившийся экипаж, открыл дверцу с моей стороны, и протянул руку, помогая спуститься.

Замковый двор замер.

– Слушайте, жители Вейлерона и замка Страж! – звучный голос прокатился по мощеному плитами двору, отразился от темно-коричневых стен и улетел в прозрачное зимнее небо, – Ныне в нашем доме радость, милостью богов и короля, я обрел законную жену, тэю Нисайем из рода Алассов.

Традиционная речь упоминания королевской воли не содержала, но и традиционный брак – тоже, и мне стоило усилий не показать, что мне смешно.

А Вейлерон продолжил, и слова, не менявшиеся столетиями, пришивали меня к реальности происходящего, а нас – друг к другу. Я, кажется, начинала верить, что все на самом деле-таки случилось…

Моя рука – в его руке, и коже жарко и странно, и невесомо, и я сжимаю во второй руке жесткий парчовый подол платья, и он кажется мне последним надежным якорем в этом мире, не стань его – улечу!

– Ныне я всем представляю герцогиню Вейлеронскую, и прошу вас позаботиться о ней, так же как она будет заботиться о вас!

Он отпустил мою ладонь, и я шагнула вперед, а Вейлерон – на полшага позади, неся бархатный кошель с растянутой во всю ширь горловиной.

Даже не глядя, я протянула руку назад и вбок, и зачерпнула оттуда горсть монет, а потом по одной вкладывала полновесные золотые в протянутые ко мне ладони, повторяя:

– Принял мой подарок – прими и мою руку…

Мы не спеша обходили двор и выстроившихся слуг, и каждому достался традиционный господский дар, и я все повторяла и повторяла положенные слова, а Алиссандр Вейлерон возвышался за моим плечом невозмутимой скалой.

В просторном холле (зеленые портьеры и ковровые дорожки, темно-зеленый магически измененный плющ, заплётший стены) меня представили членам семьи, не присутствовавшим на церемонии во дворце.

Младший брат, младшая сестра – совсем младшая, в отличии от тэйрим Оллены. Вернее, ныне уже тэи Оллены.

Дяди, тетушки, кузены и кузины.

– Приятно познакомиться! – склонила я голову, принимая заверения в невозможном счастье, видеть меня от мужчин и реверансы от дам.

Знакомство, правда, вышло несколько односторонним: отцовскими стараниями, я Вейлеронов заочно уже знала.

Не сомневаюсь, что и они меня…

Сразу после родственников тэйр супруг представил мне дворецкого и экономку – высокого сухопарого старика, и дородную женщину, примерно в одних годах с тэей Керолайн, матушкой драгоценного моего супруга, суровую даже с виду.

– Счастлива служить вам, ваше сиятельство! – сообщила экономка, и я затосковала.

В безупречно почтительном голосе счастье и не ночевало.

– Позвольте, я сопровожу вас в ваши покои, – супруг предложил мне локоть, я покорно его приняла.

Алиссандр Вейлерон вел меня по лестницам и переходам замка, и попутно рассказывал о нём, с непринужденностью и лёгкостью, что свидетельствовали о глубоком знании предмета и немалой любви к нему.

Замок Страж был красив.

Все ключевые замки предгорий велики, и Страж – не исключение.

Он был укреплен и богат – приграничная крепость людских земель и родовое гнездо герцогов Вейлеронских.

А еще он был любим – это чувствовалось в тысяче мелочей, не бросающихся в глаза, но составляющих надежное свидетельство неустанной бережной заботы.

Выпестованный, холеный…

От того обиднее было ощущать неодобрение и сдержанную враждебность темно-красного великана.

… А покои мне отвели огромные. На четвертом, самом верхнем этаже, с просторными комнатами, высокими узкими окнами, богато обставленные.

Кто-то уже занес сюда сундуки с той частью моего приданного, которой мне доведется пользоваться в браке, и теперь они громоздились вдоль стен, пряча внутри ткани, украшения, наряды. Дамские мелочи, которые не передаются в казну супруга, а остаются жене «на память» об отчем доме.

Таких мелочей, в моем случае, набралось три десятка сундуков.

Три. Десятка. Сундуков.

Прикинув объем этих ало-черных монстров, я заподозрила, что внутрь могли просто насыпать камней. Исключительно в пику Вейлеронам. Потому что такого количества вещей у меня никогда не было!

«А ведь всё это потом придётся домой забрать!» – мелькнула каверзная мыслишка, и я на миг повеселела, представив, как два герцога будут до искр из глаз спорить, чей в этот раз черед таскать этих чудовищ, вместе с их неведомым содержимым.

Его сиятельство супруг тоже зацепился взглядом за новый предмет интерьера в отведенных супруге покоях, только, в отличие от меня, нахмурился.

Странно, с чего бы? Он же наверняка не знает, что внутри – камни?

Или знает? Успел проверить?

Полно, когда б!

Но если не знает, отчего такой хмурый?

Мысли мои прервал сам Вейлерон:

– Ваше сиятельство, тэя Нисайем, я счастлив видеть вас своей женой!

«А уж я-то как счастлива!» – ремарку я удержала, но мысль попробуй удержи!

– Мой дом – ваш дом, отныне и навек, – продолжил герцог.

Я бы не была столь категорична со сроками… Но кто я такая, чтобы спорить?

– В случае, если вам что-нибудь понадобится – обращайтесь ко мне в любой момент! – закруглил расшаркивания супруг.

– А если не понадобится? – не усидел под гнетом благородного воспитания дурной мой характер.

– Тогда – не обращайтесь, – великодушно дозволил супруг с полнейшей невозмутимостью, но клянусь, в его глазах скакнули смешинки!

Я видела, видела!

А затем эта… это… этот тэйр сгреб мою кисть – ладони уже привычно стало жарко, а животу щекотно, но это было только началом! Склонившись, он поцеловал мне руку, но…

Он наверняка что-то со мной сделал. Магически. Иначе не объяснить это странное тепло, волной прокатившееся по животу и груди, и дрожь где-то внутри, и тревогу в сердце.

Я вырвала кисть, с испугом уставившись на него, понимая, что веду себя неприлично, но…

Герцог Вейлеронский нахмурился.

Уймись, Нисайем! Возьми себя в руки: он здесь бог и господин, и ты в полной его власти, а потому постарайся-ка его не злить!

…еще больше.

Меж темных бровей залегла складка.

И я торопливо присела, разом вспомнив все положенные случаю слова благодарности и уверения, что вижу нашу дальнейшую супружескую жизнь исключительно счастливой, но Вейлерон, кажется, не слышал.

Все то время, пока я, уцепившись за спасительный этикет, сыпала горохом слов, он смотрел на меня, как будто разглядывал что там, внутри, за оболочкой.

И увиденное ему не нравилось.

– Вам нужно отдохнуть перед ужином. Я пришлю к вам экономку, эссу Линэд. Она поможет вам во всем.

Дверь из каррского дуба мягко закрылась за Алиссандром Вейлероном, когда он покинул мои покои.

Ой, ну и подумаешь! Ты мне тоже не очень-то понравился!

Он ушел – а я осталась.

Конечно, я могла бы сесть и плакать – мне здесь все не рады, замок, и тот глубоко не одобряет, а я, между прочим, хорошая!

Сами собой вспомнились бесконечные проделки, ее сиятельство герцогиня, с каменным лицом взирающая на бедовую дочь, и матушка Рискин, простецки хватавшаяся за голову всякий раз, когда приходилось скрывать последствия моей небрежности.

Ну… Не самая плохая!

А выделенные мне покои были оформлены в сизо-лиловых тонах.

Здесь было красиво и светло… Я сняла меховую накидку, и совсем уже собралась отправиться исследовать свои владения, и всячески в них обживаться, но не успела – в дверь постучали, и эсса Линед попросила дозволения войти.

А я что, я дозволила.

Вслед за хранительницей порядка замка Страж, как гусята за гусыней, вошли горничные, все как одна, в скромных глухих платьях и длинных передниках, и набрался их почти десяток.

Вошли, выстроились рядком, почтительно и благовоспитанно глядя куда-то в район моего подола, и замерли.

– Её сия… тэя Керолайн распорядилась привести к вам служанок, чтобы вы могли выбрать камеристку и двух горничных, ваше сиятельство, – экономка присела в реверансе. – У первых двух девушек есть навыки, необходимые для службы камеристкой вашего сиятельства. Если они вас не устроят – подберем другую.

Я обвела взглядом ровный строй. Все молодые, крепкие и симпатичные.

Забавно, а матушка смазливой прислуги не терпела. Во всем замке Лунь из смазливых служанок были белошвейка, творившая иглой и нитью чудеса безо всякой магии, да мои Нита с Анабелью.

Мысль мелькнула, и сгинула, а я пошла вдоль ряда.

Платья с передниками у всех чистые, волосы убраны под чепцы, а сами уборы накрахмалены – все девушки опрятны.

Головы склонены, и взгляды не выше моей спины. Руки натруженные, но с аккуратными чистыми ногтями.

Я присмотрелась особенно внимательно.

Все нервничают.

Боги, да какая мне разница, я все равно о них ничего не знаю!

– Вторая, пятая и шестая, выйдите вперед.

О, считать умеют все – вышли вперед ровно названные, остальные даже не шелохнулись!

– Элис, Дора и Кейт, – назвала имена эсса Линед, и девицы присели каждая в свой черед. – Отныне вы служите лично её сиятельству герцогине, остальные могут вернуться к своим обычным обязанностям. Кейт и Дора – разберите вещи её сиятельства. Элис, ты поможешь её сиятельству переодеться!

Замашки у этой эссы Линед – как у капитана замковой гвардии.

И плотное ощущение недовольства, никак не проявляемое внешне.

Мне сноровисто и ловко помогли сначала раздеться – драгоценный наряд, подаренный королем, отделанный жемчугом, алмазной крошкой и иллюзиями,

был унесен в гардеробную самолично эссой Линэд. Затем облачили в домашнее черно-зеленое платье – и, получив разрешение, покинули будуар, отправившись помогать с разбором вещей.

Горничная Кейт присоединилась к двум другим девушкам, а куда направилась экономка, я понятия не имела.

Я устало опустилась в кресло у камина, погладила подлокотник – всё же, не каждый день выхожу замуж.

Сизый бархат обивки менял цвет на серый там, где по нему проводили ладонью, и снова сливался с общим фоном, когда возвратным движением я приглаживала ворс.

Забавно.

В замке моих родителей горничные ни-ког-да не позволили бы себе наводить порядок в господских покоях, пока там их хозяйка. Только когда комнаты пусты!

Недопустимо беспокоить благородную тэю такими низменными вещами, как уборка.

И даже Нита и Анабель, которые были для меня скорее наперсницами, чем прислугой, знали и придерживались этого правила.

Это… что? Демонстрация, что я здесь пустое место?

Да и оговорка экономки в самом начале. Не была ли она преднамеренной либо случайной попыткой показать, что герцогиня в этом доме по-прежнему тэя Керолайн?

Горничные переносили мои вещи из гостиной в гардеробную, что примыкала к спальне с противоположной стороны от будуара.

Кому вообще пришло в голову составить сундуки в гостиной?.. Почему их сразу не отнесли в гардеробную?

Опустив веки, я прислушалась.

Особым, ведьмовским образом.

Из гостиной тянуло только сосредоточенной старательностью и некоторым напряжением людей, не знающих, что им ожидать в ближайшем будущем, а вот изумлением, испугом либо шоком – не тянуло.

Значит, камней в сундуках всё же не было.

Ну, ничего, может, они еще просто до них не дошли, хе-хе!

И надо бы выйти, и проследить за тем, что и как делают с моими вещами, но…

Но не хотелось.

Я устала, я испугана, я никогда не оказывалась в столь… в столь недружественной обстановке, я хочу спрятаться, вот в этом кресле свернуться комочком, и никуда никогда не идти!

Истинная тэя через эти постыдные желания, конечно же, переступила бы.

А я – поддалась.

К тому же, сундуки с по-настоящему ценными вещами магически опечатаны, откроются только в моем присутствии, вообще…

…и вообще, самый главный камень отец Вейлерону уже подложил.

Я вспомнила один из многих разговоров с отцом, которых много было в эту неделю, куда больше, чем до этой внезапной и нелепой помолвки, устроенной его величеством из ничего.

Тогда я набралась смелости прямо спросить его сиятельство о том, как я буду жить после? Ведь даже если Вейлерон промолчит о ведьмовстве, не пожелает бросать тень на сестру, то я всё равно останусь разведенной, с пятном на

репутации… Что я буду делать?

– А что хочешь, – как-то удивительно просто ответил герцог. – Просто жить, как тебе нравится. А захочешь – я тебя снова замуж выдам.

Отцовское спокойствие было заразным, и я чуть улыбнулась этой мысли – да уж, замуж, после развода-то! И с серьезным видом ответила:

– Хочу!

– За кого? – с одобрением в голосе поинтересовался герцог.

– За Астея Пятого! – мстительно выдала я, любуясь, как его сиятельство батюшка поперхнулся воздухом.

И невинно пояснила:

– Он осчастливил браком меня, я – его, по-моему, всё честно!

И уж чего я не ожидала, так это того, что у его сиятельства загорятся глаза, и он примется прокручивать варианты:

– Так-так, наследовать твои дети в любом случае не будут, наследник первой очереди – принц Филлип и его дети от принцессы Рейнары, можешь хоть вообще не рожать… Для того, чтобы управлять дворцом, есть Рейнара… Что разведенная – так ведь брак его величества с тобой будет не первый, «правильный» наследник уже есть. Что ведьма – туда же… Так-так-так, какие перспективы!

Да-а-а… кажется, недооценила я батюшкиной мстительности и того, насколько эта история ущемила его самолюбие!

Интересно, я всё еще пошутила, или уже удачную идею подала?..

Я вынырнула из воспоминаний, улыбаясь – всё же, у его сиятельства с его величеством очень странная дружба.

Я прислушалась, что происходит в гостиной-спальне-гардеробной. Оттуда тянуло устойчивым ощущением тревожности и старательности.

Я тяжело вздохнула.

«Выберите камеристку!»

Дома за обязанности моей камеристки толкались плечами Нита и Анабель. Нита считала, что она ведьма, и потому всегда должна быть рядом, чтобы прикрыть в случае нужды, и вообще, это ее назначил на это место мой отец! А Анабель была свято уверена, что уж никто лучше нее не защитит бедную и беззащитную девочку от врагов.

В герцогском замке у герцогской дочери естественных врагов было не много, но кого когда такая мелочь останавливала?

Нет-нет-нет, при мне они никогда ничего подобного себе не позволяли, и даже неприязнь, хлещущую через край, старались придерживать.

Но это не мешало мне время от времени в самых неожиданных местах замечать признаки борьбы не на жизнь, а на смерть.

Грызня прекращалась в одном-единственном случае.

Горе, горе служанке, скверно почистившей мои ботинки, беда швее, проложившей неровный шов на платье. Две гарпии прекрасно отработали тактику совместной охоты!

Швее, вызвавшей недовольство заклятых подружек, вообще проще было сразу прыгнуть с замковой стены в замковый же ров, пересечь его вплавь, умчаться в Предгорья и затаиться там до конца жизни, потому что Нита с Аной завели скверное обыкновение брать в союзницы ту самую белошвейку с золотыми руками.

К золотым рукам прилагалась соответствующего веса профессиональная ревность.

Я хочу домой.

Там всё надежно, любимо.

Там не тянет неприязнью из-под каждой двери, там и замок на моей стороне, и даже ее сиятельство, пусть и недовольна своей дочерью, но ведьмино чутье все же шепчет, что она искренне обеспокоена.

Повезло Вейлерону, что он маг – у магов природная защита, с ними чутье не работает. Только с давними знакомыми. И еще с кровными родственниками, наверное. Но я со всеми своими родственниками давно знакома, так что тут точно не знаю, только предполагать могу.

Да и вообще, магам хорошо – у них все стандартно, надежно и постоянно.

А вот у ведьм…

Матушка Рискин, кося глазом по сторонам – не видит ли кто, как она учит герцогскую дитя, чему не велено? – рассказывала мне, чем ведьмы отличаются от магов, и за что вторые не любят первых:

– Вот если взять десяток магов, и велеть каждому применить одно и то же заклинание, вложив строго отмеренное одинаковое количество силы – у них у всех итог одинаковым выйдет, – она усмехнулась.

А я как-то ярко представила: десять магов, все плечистые и крепкие, девиц нет ни одной, хотя у женщин магия и бывает, но разве ж они маги? Так, декоративные фитюльки за спинами своих мужчин. А маги стоят, выстроившись ровным рядочком.

Усатый командир со строгим взором, стоя за оградой, приказывает им – «Огонь!», и они, все, как один, дружно вскидывают правую руку, сложив пальцы знаком огня, выдохнув магическое слово. С пальцев каждого по высокой дуге ярким прочерком летит заклинание, и врезается в мишень, разнося ее в сочные солнечные брызги.

Картина эта, не единожды подсмотренная на тренировочном поле за казармами, живо встала перед глазами.

– А вот если взять десяток ведьм и повелеть им применить одно и то же заклинание, – продолжила матушка Рискин, – То у одной выйдет одно, у второй другое, у пятой пятое, а у половины и вовсе ничего не получится.

Теперь перед мысленным взором стояли сплошь девицы.

Все молодые – старую ведьму шиш поймаешь, только Пройдоху рассмешишь, – все симпатичные, но какие-то растерянные.

Суровый усатый командир хмуро окинул их взглядом, и рявкнул:

– Встать в строй!

Некоторое время ведьмы бестолково метались внутри ограждения, как нервные козы, не зная куда приткнуться, а суровый усатый командир, оставив пост за оградой, носился среди них и вокруг, попеременно ругаясь, уговаривая построиться и угрожая сжечь пройдохово племя на очистительном костре во славу Отца-Воина и Матери-Искусницы.

Потом долго объяснял, что именно нужно сделать – собранные по глухим углам, по лесным сторожкам и болотным избушкам, ведьмы плохо понимали, что значит, «пальцы в третью позицию», «вложить три капли силы» и «спусковая лексема».

К моменту возвращения на место за оградой, командир изрядно вспотел и был встрепан, и даже усы топорщились теперь нервно.

Три, два, раз…

– Огонь! – скомандовал он.

Сосредоточенные ведьмы, повинуюсь приказу, махнули руками, как было показано.

У одной мишень повалило ветром, и, падая, она зацепила соседнюю, все остальные остались стоять, как ни в чем не бывало. Одна растерянно мялась, потому что ограда вокруг полигона загорелась, еще две ругались – «Это из-за тебя! – Нет, это ты виновата!», и неизвестно, что они имели в виду, но вот-вот должны были вцепиться друг дружке в косы. Одна плакала, потому что у нее ничего не получилось.

Над полигоном медленно собирались тучки, обещая нешуточную грозу.

Возможно, из нее в итоге ударит молния, и поразит-таки мишень своей создательницы. Но это не точно.

Матушка Рискин покатала слова на языке, подбирая те, что лучше всего разъяснят мне суть.

– Магия – стабильна. Она дастся каждому, кого боги наделили силой, старательностью и каплей таланта. Именно в такой очереди. А ведьмовство… оно капризно и переменчиво. И преуспеет ли в нем ведьма, зависит всецело от того, сколько ей боги отмерили таланта и старательности – сдобрив это самой малой каплей силы.

Из ее слов выходило, что магия – это наука, а ведьмовство – искусство.

– Это у магов всё всегда одинаково, и зависит только от личной силы да количества зазубренных заклинаний, – продолжала между тем болотная ведьма. – А у любой ведьмы всегда – свой путь, и он иной, чем у ее товарок.

Рискин покачала головой:

– Если десяти магам повелеть зажечь на расстоянии магический фонарь, они сделают это одним-единственным способом.

В моем воображении все десять магов, стоя красивой шеренгой, дружно сосредоточились и щелкнули пальцами, и десять фонарей налились мягким молочным сиянием под довольное кряканье командира.

– А если же повелеть то же самое десяти ведьмам…

– Тэйрим, не надо, молю вас! – запаниковал воображаемый седоусый.

– То они сделают это десятью разными способами, при том у половины опять не получится, или же получится не то – не терпит ведьмовство принуждения. Опыт и волю ведьме надо иметь, чтобы по приказу колдовать.

На воображаемом полигоне мрачно моросил дождь, хмурые ведьмы сгрудились в кучу и поглядывали на меня недобро. Одна снова рыдала.

Я потрясла головой, отгоняя безумное видение.

А Рискин, не ведая, что творится в головушке у ее подопечной, продолжила:

– А еще ведьмы сварливы, влюбчивы, мстительны. Сила их в чувствах, и оттого чувствуют они ярко. И от этой яркости, бывает, делают то, чего не сделали бы, живи они разумом. Не так чтоб редко бывает… – она нахмурилась каким-то своим мыслям. – Ведьм не любят за это. За то, что может чуть что – полыхнуть, что твоё сухое сено, и такого наворотить, что сама потом восплачет. А может, и не восплачет…

Покривив лицом, Рискин признала:

– Наша сестра тоже разная бывает. Одна в сердцах почесуй нажелает, потом стыдом мается, другая черным мором проклянет, и совесть не шелохнется.

И что-то такое было в ее голосе, что мне показалось – видела она таких. Тех, кто способен без раскаяния моровое поветрие поднять.

– Но есть у ведьмовского дара и плюсы перед магическим: мага обнаружить может любой, ведьму – только другая ведьма, да и то, иные умелицы и от сестер по дару прятаться умудряются. Мага можно определить по колдовству, ведьму только по последствиям. Когда маги колдуют, всегда есть какие-то признаки, и они заметны даже тем, кто не наделен даром. Свет, звук, тепло или холод… А дрожь самой силы легко почувствует любой одаренный, если пожелает. У ведьмы это всё может быть, может не быть, а может, как сама пожелает, коли ловкая да умелая. И пусть в силе нашей сестре обычно с магами не тягаться, но иной раз ведьма может и такое совершить, что ни одному магу не повторить –

таким уж даром нас Пройдоха наделил, что порой мы и сами не знаем, чего от себя ждать.

Она улыбнулась мне, и продолжила:

– Все мы, ведьмы, разные. По силе, по умению, по норову. К нам идут те, у кого на магов серебра не наберется, или тогда, когда маги помочь не сумели. За помощью – идут, но стоит где чему подозрительному стрястись… – помолчала, и совсем уж грустно завершила, – Если рядом с селением обживется ведьма, то со всеми бедами – к ней, но и все беды – от неё.

Рискин перебралась в замок Лунь в тот год, когда родилась я, единственная дочь и последний ребенок – после того злосчастного проклятия герцог принял меры, и детей больше не заводил. А до того матушка Рискин обретала на болотах, а еще до того успела побродить по королевству – и быть может, не только нашему, – пока не обзавелась дочерью и не вернулась в родные края с ней на руках.

Она много повидала, и хоть и дорожила безопасностью и сытостью нынешнего своего места, всё равно оставалась истинной ведьмой.

Герцог не желал, чтобы его дочь учили чему-то помимо самоконтроля, и строго следил за этим. Матушка Рискин, хоть и не смела перечить воле благодетеля, умудрялась её обойти. Не переча.

К слову, именно так я и поняла одну нехитрую истину: если ты нанимаешь мага, он делает, что повелишь, а если нанимаешь ведьму – она делает, что пожелает.

Хвала богам, что я все же не совсем такая, как настоящие ведьмы. Я, все же, живу скорее разумом, чем эмоциями.

Найдя взглядом часы, я вздохнула и потянулась к висящему на удобном расстоянии между креслом и зеркалом шнурку звонка.

Пора было собираться к ужину.

Глава 5

В столовую меня сопроводили под конвоем. Нет, конечно, я понимаю, что откуда бы мне знать, как туда пройти, так что сопровождение было необходимо. Но не всех же трех горничных разом! Я чувствовала себя на редкость глупо, пока одна указывала дорогу, а две другие вышагивали позади на почтительном расстоянии. Это в замке Страж порядки такие или ко мне особое отношение?

– Ее сиятельство, герцогиня Вейлеронская, – сочно провозгласил дворецкий, и конвой, почтительно присев отстал.

Оказалось, я явилась последней, хотя за временем следила и была уверена, что не опоздала ни на минуту. Под перекрестными взглядами вражеского семейства было зябко и неуютно – лишняя, нежеланная гостья. И доброжелательные маски этого не скрывали.

Впрочем, были и равнодушные. И даже заинтересованные.

В очередной раз коснувшись губами моих пальцев – еще немножко и я, пожалуй, начну привыкать, мурашки будут носиться не хаотично, а организованным строем! – герцог без лишних слов проводил меня на мое место во главе длинного стола, а сам отправился на свое – напротив, далеко-далеко, через стройные ряды серебряных блюд.

Все прочие заняли места согласно положению и заслугам. И из «всех прочих» положение только трех человек всерьез меня волновало.

Вдовствующая герцогиня сидела посередине между мной и сыном. Отец характеризовал ее как даму слегка вздорную, но предприимчивую, и советовал найти общий язык. Не то, чтобы она имела на сына такое уж сильное влияние, но была хозяйкой Вейлеронских земель на протяжении уже нескольких десятилетий и об этом забывать нельзя. Кроме того, королевская свадьба у тэи Керолайн восторга не вызвала – она давно и прочно решила женить сына на своей дальней родственнице и даже почти женила, по донесениям разведки помолвку собирались объявить весной.

Эта самая родственница – тэйрим Сириль, дочь графа Вайрона, воспитанница и компаньонка герцогини, занимала место по левую руку от меня, и оставался открытым вопрос, зачем нужно было усаживать рядом состоявшуюся жену и несостоявшуюся невесту. Она была из близкого Вейлеронам рода, она была сильным магом, и она была белокурой красавицей. Или все, что вам нужно знать о той, чье место вы заняли.

Тэйрим Сириль улыбалась крайне любезно и приветливо, а мне до чесотки хотелось демонстративно проверить бокал на наличие яда.

Третья из интересующих меня дам сидела почти что напротив герцогини. Чуть ближе к герцогу, чуть дальше от меня.

Эсса Мириам Клэвлин, молодая вдова почтенного эссея Клэвлина, еще одна компаньонка вдовствующей герцогини.

И нынешняя любовница его сиятельства моего дорогого супруга.

Мне было не очень хорошо ее видно за широкими плечами троюродного герцогского брата, но по иллюзорному портрету я прекрасно помнила яркую брюнетку с пронзительно-голубыми глазами. Она была старше нас с Сириль на пять лет, но вряд ли это как-то играло в нашу пользу, скорее даже – наоборот.

Не то, чтобы мне было какое-то дело до женщин тэйра Алиссандра, всего лишь временно исполняющего обязанности моего супруга. Но папенька утверждал, что женщины – создания непредсказуемые и внезапные, и совершенно нельзя предугадать, как они поведут себя при появлении на игровом поле новой фигуры под названием «жена», а потому мне стоит быть осторожной и очень внимательной, и не выпускать этих трех из виду. А когда я, все еще не до конца понимая, осведомилась, к чему же мне надо быть готовой, его сиятельство герцог мрачно и торжественно отозвался: «Ко всему!».

И все равно, стремительное наступление почти сразу после того, как отзвучали поздравительные тосты и было подано первое блюдо, застало меня врасплох. Зато вопрос «зачем нужно было сажать рядом?», отпал сам собой!

– Крайне рада знакомству, ваше сиятельство, – с достоинством произнесла тэйрим Сириль, когда над столом зазвучал негромкий гул повседневных

разговоров. – Мы с тэей Керолайн так рады новому лицу в замке Страж. Надеюсь, с моей стороны не будет вольностью предложить вам присоединиться к нам завтра в зимней оранжерее. Мы сейчас работаем над розами для весенней выставки магического искусства…

Вот так вот прямо не в бровь, а в глаз!

– Я не маг, тэйрим Сириль, – вежливо отозвалась я, – но я с удовольствием полюбуюсь вашей, несомненно, искусной работой, и выскажу о ней свое мнение.

– Ох, простите, ваше сиятельство, – девушка потупилась. – Очень глупо с моей стороны было делать столь самонадеянные выводы. Но на празднике Зимы, вы с ее высочеством так живо обсуждали ее творения, что я решила…

Да-да, разве может в жены такому сильному магу достаться пустышка? Спасибо, что ткнули, премного благодарна!

– Боюсь, что завтра у ее сиятельства не будет времени на то, чтобы составлять вам компанию, тэйрим, – вмешался с другого конца стола герцог. Надо отдать должное декораторам парадной столовой, прекрасная работа с акустикой! Несмотря на приличное расстояние, никому не приходилось повышать голос, чтобы быть услышанным. – Я обещал показать ей замок. Кроме того, нас ждет ужин у тэйра Россена.

Тэйр Россен – мэр Антры, любопытно. Отец отдельно подчеркнул, что моя первоочередная задача – это поиски артефакта, а не шпионаж, но не скрывал, что какие-либо интересные сведения о деятельности Вейлеронов будут не лишними… что, если во время этого ужина будут обсуждаться какие-то важные вещи. Проверка? Донесет жена или не донесет?..

– И потом, Сириль, – вмешалась в разговор вдовствующая герцогиня, – ты забываешь о том, что ее сиятельство предстоит еще многое узнать о Вейлероне, о замке и о жизни в нем. Ей пока что будет не до развлечений. Нужно многому научиться, чтобы стать достойной хозяйкой этих земель.

– Ну зачем же вы сгущаете краски, матушка, – я переводила взгляд с одной на другую и на третьего, чувствуя себя мячиком в какой-то хитрой игре, который перекидывают туда-сюда. Правда, я не была уверена, что цель этой игры – не

уронить мячик. Скорее наоборот. – У ее сиятельства полно времени для того, чтобы ознакомиться с нашими порядками и перенять бразды правления из ваших рук. Я искренне надеюсь, что вы найдете время и для милых женских развлечений. Например, продемонстрируете ее сиятельству, что местные модистки и белошвейки ничем не уступают Аласским. Уверен, моей супруге будет приятно обзавестись новым гардеробом, соответствующим ее положению.

Да, чистые родовые цвета мы носили только на торжественные мероприятия, но все равно у дворян существовало негласное правило вплетать в наряд хотя бы маленький намек на родовую принадлежность – алая лента, алая роза, алая вставка. Даже мое темно-синее вечернее платье кричало о принадлежности к роду Аласских, алея тонкой вышивкой по краю подола и рукавов.

– Конечно же, мой дорогой, – смиренно кивнула тэя Керолайн. – Я обязательно помогу твоей супруге с таким сложным выбором.

– Эссим Литвина как раз должна прибыть в замок завтра для примерки, – заметила эсса Мириам. – Я напишу ей и предупрежу, что герцогиня нуждается в ее услугах. Уверена, ваша светлость, вы останетесь довольны эссим Литвиной, она творит из ткани настоящие чудеса.

– Крайне любезно с вашей стороны, – снова подала голос я, чувствуя, что горло против воли все равно перехватывает, и откуда-то из глубины души снова поднимается протест: я не хочу! Не хочу всего этого! Верните меня домой!

А ужин продолжался в теплой, дружественной атмосфере… мастерски прикрытые комплиментами, мелкие жалящие замечания сыпались со всех сторон, особенно, когда герцог отвлекся от женских разговоров, что-то вполголоса увлеченно обсуждая с тэйром по правую руку от себя. Его имя крутилось на языке, но отказывалось всплывать.

Кусок не лез в горло, вкуса не ощущалось, только обида и злость закипали внутри.

Спокойно, Нисайем, спокойно. Дыши и помни о том, что ты разумная благородная тэя! И даже если тебе очень хочется прямо сейчас сделать как-нибудь так, чтобы у всех этих милейших людей разом что-нибудь зачесалось, это совершенно, прямо скажем, лишнее! А будешь так кисло выглядеть, цветы

повянут. Было ведь такое? Было! Как выкручиваться тогда будешь?..

– Что это за запах? – герцог вдруг вскинул голову и обвел нас взглядом.

Все присутствующие дружно потянули носами – в воздухе отчетливо пахло горелым.

А потом из соседней комнаты, раздался истошный визг, грохот посуды и вопль:

– Пожар!!!

Воздух взорвался испуганными ахами женщин, мужчины повскакивали, я в первое мгновение втянула голову в плечи и зажмурилась, но тут же опомнилась и округлила глаза, прижала ладонь ко рту.

– Спокойно, дамы, – скомандовал мой муж.

Он первым оказался у двери, из-за которой шел шум, распахнул ее, впуская облако дыма и треск пламени.

Женщины закашлялись, я прикрыла нос салфеткой.

– Ваше сиятельство, позвольте… – хотел сунуться кто-то, но тэйр Алиссандр оборвал его жестом.

Дохнуло холодом, всех присутствующих пробрал озноб, а характерное потрескивание мгновенно стихло. В столовой воцарилась мертвая тишина.

Алиссандр обернулся, нашарил взглядом меня, все еще прячущуюся за салфеткой, и по позвоночнику мгновенно пробежал уже совершенно другой холодок, не имеющий ничего общего с тушением пожара.

Мне конец…

– Вы в порядке, моя дорогая?

– Я… – нелепые оправдания, чуть не вырвавшиеся раньше времени, едва успели замереть на кончике языка. – Благодарю, ваше сиятельство… Что там случилось?

А что? Имею право знать! Хозяйка я тут или мимо проходила?

– Ваше сиятельство, – это уже звучит перепуганный лепет горничной, – я готовила для вас гостиную, вышла, чтобы принести напитки, пока спустилась вниз, пока поднялась, захожу, а тут уже все полыхает… простите, ваше сиятельство, простите…

Герцог шагнул внутрь соседней комнаты, скрываясь из виду.

Я знала, что там случилось.

Как обычно, постфактум я вполне могла все объяснить, хоть никогда этого и не делала. Проще сказать матушке, что я не знаю, как это вышло, чем объяснять, как чувства разгорались угольками, потрескивали, лизали изнутри языками пламени, как раздваивалось сознание, и крохотная его часть шипела и подпрыгивала тем самым угольком, извиваясь и требуя, чтобы все немедленно прекратили обижать бедную маленькую меня. И уголек этот прыгал, и прыгал, и прыгал, пока не умудрился выпрыгнуть из камина да не абы куда, а позабытую на столике книгу, а та брызнула искрами и тяжелые бархатные шторы вспыхнули как спички…

Просто в тот самый момент, когда это происходило никакой раздвоенности я совершенно не ощущала. И уж тем более, в тот самый момент, мне даже в голову не приходило, что в соседней комнате…

– Из камина неудачно выпал уголек, – вернулся с итогом герцог. – Досадная неприятность. Зорг, выясни, кто устанавливал экран перед этим камином, наказание провинившегося на твое усмотрение. И проведи дополнительный инструктаж среди горничных, по зимнему времени подобная беспечность совершенно недопустима.

Дворецкий почтительно поклонился.

– Десерт и напитки подайте в Янтарную гостиную. Прошу вас, дамы и господа, мне жаль, что ужин был испорчен этим недоразумением, но не позволим ему испортить весь вечер.

Растерянно замершие в ожидании указаний свыше люди пришли в движение. Мужчины подавали руки женщинам. Эссу Мириам увел троюродный брат, что сидел рядом, герцогиня взяла под руку почтенного тэйра-дядюшку, Сириль упорхнула в сопровождении того самого тэйра, имя которого я никак не могла вспомнить. До меня очередь дошла последней – пока герцог пересек комнату, всех дам уже расхватали и повели, куда велено.

– Надеюсь, вас это не слишком огорчило, – мне пришлось расстаться с салфеткой и вложить пальцы в протянутую руку.

– Что вы, ни капельки, – искренне призналась я, поднимаясь.

Еще бы меня это огорчило! Я устроила переполох, а мне за это ничего не было? Невиданное дело!

Я поторопилась сама себя одернуть – не радоваться надо, Ниса! Плохо! Очень плохо!

Боги, когда я говорю себе, что живу разумом, всякий раз забываю добавить, что матушкиным! И мне-то казалось, что его все еще оставался приличный запас…

А по итогу даже на сутки не хватило.

Занятая самокопанием, я даже не сразу сообразила, что поднять-то меня подняли, а вот вести никуда не ведут. И в опустевшей столовой мы остались вдвоем. И стоит герцог очень близко, поглаживая костяшки моих пальцев…

Губы пересохли и сердце провалилось куда-то в желудок, заявляя, что оно отказывается биться в таких условиях, слишком нервно!

Очень хотелось выдернуть руку и увеличить дистанцию – все внутри кричало, что тэйрим непозволительно так вести себя с посторонним мужчиной.

Вот только я теперь не тэйрим, а тэя. А этот мужчина не посторонний, а муж.

– Скажите честно, тэя Нисайем, – внезапно произнес тэйр Алиссандр. – Чего вам хочется больше всего на свете прямо сейчас?

– Честно? – не удержавшись, переспросила я с подозрением.

– Честно, – подтвердил герцог, изучая меня с легкой насмешкой во взгляде.

– Вишни засахаренной, – выдала я, проглотив чуть не сорвавшееся с языка «домой». Но вишня шла вторым номером, правда-правда! – И спать.

На губах мужа мелькнула усмешка.

– Насчет вишни я распоряжусь. Что же касается второго… для этого сначала придется разогнать наших гостей. Поможете? – он предложил мне локоть.

– Сделаю все, что смогу, – с достоинством отозвалась я, принимая его.

И снова соврала – все, что могла, я уже сделала! Кто ж виноват, что в замке Страж так оперативно тушат пожары!

Вечерняя лампа под сиреневым абажуром мягко освещала спальню, не слепя усталые глаза. В углах комнаты затаились тени, наблюдающие за мной без глаз – замок Страж не намерен был выпускать подозрительную пришелицу из виду. Даже если у Вейлеронских была своя ведьма, жила она явно не в замке, потому что слишком уж настороженно относился ко мне старый камень и, самое обидное, я его даже понимала!

Щетка в ловких руках горничной, временно исполняющей обязанности моей камеристки, скользила по распущенным волосам. Элис, конечно, не русалка, но дело свое знала – волосы сияли и искрились, что не отменяло, впрочем, того, что отражение в зеркале все равно получалось каким-то кислым. Все же ужин в компании новых родственников оставил после себя не самое радужное впечатление.

Хотя, когда мы перебрались из столовой в гостиную, стало попроще. Вейлерон держался рядом, и дамы только коршунами кружили поблизости, но прямо под носом у герцога клевать не решались.

…интересно, как матушка приняла Оленну?

Элис сноровисто заплела свободную косу, от себя добавив дорогую, украшенную иллюзиями ленту, и я мимолетно удивилась такой заботе о моей красоте перед сном, и тут же замерла, осененная абсолютно внезапной мыслью – а это ведь не обо мне заботились!

И словно в подтверждение в дверь спальни сдержанно постучали.

Я успела поймать в отражении придирчивый взгляд горничной, критично осмотревший собственную работу – то есть меня в образе «невинная девица в первую брачную ночь» – прежде, чем она потупилась и отступила на шаг, склонив голову.

– Войдите, – любезно позволила я, едва сдержав вздох. Впрочем, со стороны герцога было мило дождаться разрешения, теоретически в спальню к супруге он имел право вламываться без подобных реверансов.

Щелкнул замок.

– Свободна.

Негромкий мужской голос прогнал волну мурашек по позвоночнику.

Элис бесшумно выскользнула, замок щелкнул повторно, оставляя меня наедине с родовым врагом, по какому-то хитрому выверту судьбы – моим мужем.

Сердце забилось в два раза быстрее, пальцы похолодели, а шея сделалась какой-то деревянной и решительно отказывалась поворачиваться в его сторону.

На резонный вопрос матушки: «Что мы будем делать, если к моменту развода Нисайем окажется в положении?», отец только отмахнулся – дети – это прекрасно, их всегда можно пристроить к делу! Мол, вряд ли герцог захочет

оставлять себе ведьмовского ребенка, а Алассам – точно пригодится!

Маменька только вздохнула и пошла проводить с бестолковой дочерью инструктаж на тему супружеских обязанностей, который укладывался в фразу «в этом нет ничего страшного, возможно, тебе даже понравится». Тут маменька слегка, едва заметно поджала губы, и стало совершенно понятно, что она в очередной раз подумала о моем крохотном недостатке и в очередной раз огорчилась.

Всем известно, что ведьмы распутны, порочны и жадны до мужского внимания…

Позади меня раздался шорох, а потом легкий хрустальный звон, и я, не удержав любопытства, обернулась.

Вечерний фрак небрежно висел на спинке кресла возле камина, а Алиссандр в одной рубашке выставил на столик искристый графин, наполовину заполненный янтарной жидкостью и два бокала. Заметив движение, он обернулся, улыбнулся и протянул руку.

– Дорогая супруга.

Пришлось встать, сделать пару шагов, остро чувствуя, что на мне надета только пышная сорочка, ласкающая не скованное ничем, обнаженное тело да полупрозрачный пеньюар, расшитый лентами. И пусть все вместе слои ткани скрывали все, что нужно скрывать, я все равно испытывала острое чувство неловкости от того, что мужчина видит меня такой.

Я вложила ледяные пальцы в твердую ладонь, и герцог, слегка потянув их, усадил меня в кресло. Сам сел во второе, вынул пробку из графина и щедро плеснул янтарной жидкости в бокалы. Запахло пряностями и яблоками.

– За наш долгий и счастливый союз, – провозгласил герцог, поднимая свой бокал.

– За наш союз, – эхом отозвалась я и пригубила напиток.

Тот оказался неожиданно крепким. И с горчинкой. Я едва не поперхнулась, когда почти обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, оставив на языке

легкое приятное покалывание и сладковатый вкус печеных яблок.

– Кажется, вы никогда не пробовали вейлеронский бренди. Что, впрочем, не удивительно. И как вам? – герцог смотрел на меня дружелюбно и так же дружелюбно, без насмешки, улыбался.

– Вкусно, – честно ответила я и в доказательство снова поднесла бокал к губам, на этот раз готовая к последствиям.

Второй глоток осел приятным теплым комочком в животе.

Ты только не вздумай напиваться, Ниса! Еще не хватало отколоть что-нибудь в первую же брачную ночь! Вернее, отколоть еще что-нибудь…

– Как вам замок? Как вам ваши покои? Возможно, вы хотели бы что-то поменять?..

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Обращение к замужней женщине дворянского происхождения.

2

Обращение к мужчине дворянского происхождения.

3

Обращение к незамужней женщине дворянского происхождения.

4

Обращение к мужчине-простолюдину. Рихта – к замужней женщине. Рихтим – к незамужней.

5

Эссей – обращение к горожанину, состоятельному человеку. Эсса – горожанка. Эссим – незамужняя дочь горожанина.

Купить: https://tellnovel.com/yasnaya_yana/muzh-moy-vrag-moy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити